

ВЕЛИКАЯ БУЛГАРИЯ

ЗАПИСКИ ХАНИФА ТАТАРА

Раф Гази

12+

Раф Гази

Великая Булгария

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Гази Р.

Великая Булгария / Р. Гази — «ЛитРес: Самиздат», 2021

ISBN 978-5-532-93523-5

В новой исторической книге Рафаэля Миргазизова «Великая Булгария» показаны становление и трансформация одного из самых древних государств на Средней Волге. Книга не претендует на научный характер, наряду с реальными историческими персонажами в ней действуют и придуманные. Повествование ведется от имени вымышленного старца Ханифа, который в легкой, увлекательной, иногда фантастической форме делится своими воспоминаниями о временах «нашествия монголо-татар» на Волжскую Булгарию. Неожиданно он обнаруживает кровное родство между татарами и булгарами.

ISBN 978-5-532-93523-5

© Гази Р., 2021

© ЛитРес: Самиздат, 2021

Содержание

Исповедь Бараджа	5
Косточка хурмы	12
Братоубийственный союз	19
Приложение	25

Раф Гази

Великая Булгария

Исторические мифы часто бывают важнее исторической реальности

Исповедь Бараджа

Нукеры болгарского эмира гнали лошадей во весь опор, часто меняя их на почтовых станциях – ямах. От Нур-Сувара до столицы Болгарского юрта три дня пути. Но офицеры эмира Бараджа домчали меня до царской ставки за двое суток.

Что за спешка? Для чего я, 17-летний юнец, по имени Ханиф ибн Мир-Газиз, скромный шакирд академии Дарь аль-улюм, мог понадобиться правителю могущественной Державы?

Мятеж, в результате которого на царский престол пытались возвести престарелого сеида Кул Гали, был подавлен. В Нур-Суваре все было тихо и спокойно. Бунтовщики наказаны и брошены в зиндан «Шайтан бугаз», но главные организаторы неудавшегося переворота Боян и Исмаил помилованы. На этом настоял эмир Барадж, увидев, как те, обвязав себя веревками в знак подчинения, вышли из города. Субедей – главный бахадир Татар – удивился мягкости эмира. На что Барадж прилюдно ему ответил:

– Если я буду истреблять своих лучших беков и казаков, как я смогу управлять страной?

Думаю, что Субедей ничего не доложил об этом неприятном инциденте хану Бату, занятому подготовкой к западным походам, дабы не отвлекать его от столь важной военной акции.

... Издали сверкнул полумесяц главного минарета Великого Булгара, проявились башни новой еще недостроенной Соборной мечети, показались каменные палаты царского дворца и его беков, черепичные крыши купеческих и ремесленных кварталов.

И вот вдали засинели волны могучей Итили. На высоком берегу реки, к северу от главных ворот Булгара, располагался большой царский шатер, куда, не заезжая в город, и свернул наш отряд. Над золоченной юртой развевались красные, желтые, черные, зеленые ленточки и гордо реял разноцветный Дракон, размахивая своими огромными перепончатыми крыльями. Летняя резиденция эмира, по давней хонской традиции, располагалась в степи, по вольным просторам которой тоскует душа каждого степняка. Пусть и бывшего – кровь все равно берет свое.

Спешившись и передав лошадей подбежавшим джурам, мы направились к царской юрте. На значительном расстоянии от нее, сняв с головы тюбятя и засунув их себе подмышки, мы замерли в почтительном ожидании. Главный нукер, пошептавшись о чем то с охраной, подбежал к южному входу царской палаты докладывать эмиру о нашем прибытии.

Эмир Барадж не сразу принял доставленного к нему шакирда, сначала меня отвели в гостевую юрту, где уже был накрыт праздничный дастархан. Но ни фрукты, ни орехи не лезли мне в горло. Облокотившись на мягкие подушки, я предался тягостным раздумьям: зачем меня вызвал к себе эмир Барадж?

Шакирд то я был шакирд, да не такой уж и простой. Мой прадед Отяк, двоюродный дед Чельбир и мой отец Мир-Газиз тоже, как и Барадж, были в свое время эмирами Болгарского юрта. То есть, я являлся наследным принцем, причем враждебного по отношению к Бараджу дома. Барадж принадлежал к царской династии Азановичей, а мы – к Ашрафидам. И между этими двумя домами всегда шла ожесточенная борьба. Особенно непримиримой она была во время правления Чельбира – Бараджу даже пришлось выехать за пределы страны, он тогда занял пост улугбека одного из зависимых от него урусских городов.

Когда Чельбир умер, и его место занял мой отец, Барадж вернулся на Родину, поскольку ему уже никто не угрожал.

Мой отец был мягким и гуманным правителем, сеидом-имамом он сделал своего друга Кул Гали – знаменитого сказителя и поэта, известного своей сильной привязанностью к Арабской вере. Кул Гали оказывал большое влияние на моего отца. Вдвоем они начали проводить реформы, чтобы облегчить жизнь простого народа: снижались налоги, облегчалась воинская повинность, большие льготы предоставлялись купцам и ремесленникам. «Черный люд» – чирмыши – переводился в привилегированный разряд. Но при условии, что откажется от своей родной веры, веры в Тенгри и перейдет в Арабскую веру.

Эмир Газиз правил недолго, я думаю, что моего отца отравили. Кто? Это большой секрет, который, похоже, уже никогда не разгадать.

Когда Мир-Газиз умер, мне было года три-четыре, и я отца почти не помню. Кул Гали женился на овдовевшей Салие, в которую был уже давно, как выяснилось, тайно влюблен. Салия бикэ не была моей матерью, я родился от другой жены моего отца, не наложницы, а законной жены. Но она ушла в лучший мир еще раньше мужа, и в моей памяти не осталось даже смутного представления о моей матери, пусть Всевышний помилует ее душу в ссудный день и определит ей место в раю.

В общем, я остался сиротой.

Мой прадед Отык был женат на дочери бурджанско-кавказского вождя кипчаков Башкорта. Моя рано умершая мать тоже была из этого рода. Бурджанские родственники забрали меня к себя. В Булгаре бывать с тех пор мне приходилось редко. Я вырос в степи и горах – и они прочно поселились в моем сердце. Можно сказать, меня воспитал мой дед Альмат по материнской линии, замечательный чичен – сказитель, когда то бывший великим воином. Это удивительный человек, которому я многим обязан в своей жизни. Именно дед Альмат настоял на том, чтобы я поехал учиться в Дом науки.

Я вел скромную жизнь шакирда, с увлечением познавал арабский и персидский языки, добросовестно извлекал алгебраические дроби, с восхищением наблюдал за жизнью небесных светил в астрономической обсерватории, и не лез ни в какие сомнительные дела. Вряд ли эмир опасается меня, как претендента на царский престол. Да, мой отец был эмиром, да, нур-суварцы после его смерти хотели видеть эмиром человека не из царствующей династии. А именно Кул Гали – автора популярной в народе поэмы «Сказания о Юсуфе», и затеяли бунт... Но причем тут какой-то забытый всеми отпрыск, выросший в горах и степи, вдали от дворца эмира и его интриг?

Я вяло поклевывал из китайской расписной вазы сладкий сушеный виноград, доставленный из солнечного Хорезма и мучительно размышлял. Какую опасность или угрозу я мог представлять для царствующего дома Бараджа? За мной кроме моих далеких бурджанских родственников никто не стоял. И потом я был еще слишком юн. Есть более достойные и зрелые кандидатуры на трон эмира, в том числе из царского дома Ашрафидов. Многочисленная родня Алтынбека и Чалмати давно рвется к власти. Алтынбеку удалось даже в свое время ненадолго захватить власть в Булгарском юрте, но Бараджу с помощью хана Джучиевой юрты Бату и Верховного кагана Татарской Державы Угедея – наследника Великого Чынгыза – удалось его сбросить. Кстати, Алтынбека так же, как и Чалмати, поддерживал «Эль-Хум», несмотря на то что первого из них подозревали в тайных симпатиях к вере Исы (Исуса).

Может, эмир хочет через меня вывести о тайных планах этого общества, оно ведь как раз гнездится в Дарь аль-улюм. Навряд ли. Тайное общество «Эль-Хум» теперь не такое уж тайное и грозное, каким было раньше. Активным участником и даже руководителем одного из его подразделений когда-то был сын знаменитого арабского путешественника и миссионера ал-Гарнати. Сам миссионер уехал, а вот сына оставил. Для каких целей? Возможно, как раз для того, чтобы возглавить «Эль Хум» и, захватив власть в Булгарском юрте, полностью подчинить

его арабскому халифу. Но это только мои досужие домыслы. Как было на самом деле, ведает один Всевышний.

Еще полвека назад Чельбир разгромил «Эль-Хум», сын ал-Гарнати погиб. Правда, булгарскому эмиру не удалось тогда до конца расправиться с тайным обществом, его поддерживали не только арабы, но и бухарский Орден Нашкабандия и хорезмские суфии Кул Ясави. Когда Чельбир после 50-ти летнего бессменного правления умер, мой отец эмир Газиз пришел к власти не без поддержки этих скрытых, но влиятельных сил.

Впрочем, это дела уже давно минувших лет. Нет, интерес эмира Бараджа к моей скромной персоне вызван чем-то другим...

Мои размышления прервал посыльный:

– Тебя хочет видеть эмир!

Эмир Барадж принял меня не в юрте, а на берегу реки Итиль, на зеленой полянке, устланной роскошным персидским ковром, достойном быть украшением дворца сасанидских шахов. На нем располагались разнообразные яства и угощения. Красный огненный шар катился к закату, дневная жара начала спадать, с реки повеяло живительной прохладой. Там, внизу, за пристанью, у белокаменных стен Булгара затихал шумный многоголосый Ага-базар – торговцы сгружали свои товары с уставших верблюдов и отправлялись в местные караван-сарай и чай-ханы подсчитывать вырученные барыши.

Справившись, как того требует этикет от учтивого хозяина, о здоровье и расспросив о делах еще одних моих балкаро-кумыкских родственников, которые жили в низовьях Итиля в предгорьях Кавказа, эмир стал интересоваться моими успехами в академии Дарь аль-улюм, куда был определен новый настоятель – и новый сеид Кылыч. Я внутренне напрягся – неужели подтверждаются мои худшие опасения по поводу общества «Эль Хум»? Может, кто-то донес правителю о моем мнимом участии в его делах – шпики у эмира хватают. Может, сам Кылыч и донес, с него станется. Он уже однажды предавал Кул Гали...

– Когда я был таким же молодым, как и ты, я ведь тоже хотел учиться в Дарь аль-улюм, – вдруг неожиданно признался Барадж. – Но отец не разрешил, дескать, нахватаешься там всяких вольных идей, и потом, когда придет время, не сможешь управлять страной. Он считал, что дети эмиров не должны посещать академию Дарь аль-улюм.

Я напрягся еще больше – к чему это клонит Барадж? Но виду не подавал, даже осмелился возразить:

– А вот мой отец учился в Дарь аль-улюм, и был хорошим эмиром.

– Да нет, я ведь ничего против твоего отца не имею, я это так, к слову сказал, – как будто замылся мой сановитый собеседник и твердо добавил: – Эмир Газиз был достойным правителем, пусть Аллах определит ему место в джаннат – раю.

Барадж пил араку – молочную водку, а я довольствовался кумысом. Кажется, эмир настроился на долгую беседу, причем без свидетелей – рядом даже прислуги не было, она держалась в отдалении. Что же все таки ему от меня нужно?

Разговор опять перешел к моей учебе. Я, вступив на дерзкую волну, не мог остановиться и заявил, что акаид – богословие и ал-джебр – алгебра мне не по душе.

– Почему? – учтиво спросил Барадж, не замечая моего нервного тона.

Я сказал, что разбирать тафсир и другие религиозные премудрости Арабской веры мне неинтересно. Что касается математики, то это, конечно, необходимая наука, но она больше полезна для купеческого и ремесленного сословия. Мне же нравятся астрономия, тарихи – история и адабият – литература.

– И какие исторические труды ты сейчас изучаешь, мой юный друг? – оживился эмир.

– «Таварихи Булгария» Якуб Нугмана.

– Похвально, Ханиф. Я тоже люблю историю. И, возможно, когданибудь напишу свои воспоминания, – задумчиво произнес Барадж.

«Любопытно было бы почитать, – подумал я про себя, – что ты там напишешь, особенно про моего отца?»

– А как ты относишься к дастанам? – продолжил между тем эмир. – Вот скажи-ка мне, Ханифжан, кому принадлежат эти печальные строки:

Богатство, власть, жена и дети,
Нужны тебе на этом свете.
На тот – и бедный и богатый,
Уйдет один, без провожатых.

Барадж, как выяснилось, владел многими языками, кроме родного тюрки, арабского и фарси, он понимал еще и по-альмански (германски), поскольку мать его была мадьяркой и жила раньше в Алмании. Эмир читал стихи на фарси, я с трудом улавливал лишь отдельные слова «старость», «бедность», «богатство»... Я честно признался, что пока еще не так хорошо изучил персидский, как арабский.

– Стыдно, юноша, воспитаннику Дарь аль-улюма такого не знать! Это же гянджийский бек Низами, украсивший сад поэзии прекрасными цветами своих дастанов, – вдруг перешел на пышный витиеватый слог персидских стихотворцев эмир.

– Действительно, как же это я не почувствовал чарующее дыхание автора боговдохновенного дастана «Лейли и Междунун»! – в тон Бараджу, немного деланно и игриво, воскликнул я (впрочем эмир никакой иронии не уловил, или сделал вид, что не уловил).

Запинаясь и вспоминая на ходу персидские слова, я прочитал короткий отрывок из этой поэмы:

Поверь, что не виновен я нисколько
Ни в участи своей, ни в жизни горькой.
Не приведут усилия ни к чему.
Я сам себя швырнул навеки в тьму.

Барадж задумался, а потом продолжил декламацию:

Не плачь, когда быть одиноким больно.
А я – никто. Я близко – и довольно.
Не плачь, что в одиночестве убог.
Запомни: одиноким близок Бог.

Похоже, мой начитанный собеседник захмелел, – беседуя со мной, он не забывал время от времени прикладываться к большой, инкрустированной алмазами серебряной чаше, до краев наполненной молочной водкой. Признаюсь я тоже немного расслабился, словно разговаривал не с грозным эмиром, а со своим сверстником, шакирдом из академии. То ли кумыс на меня так подействовал, то ли вкрадчиво-ласковые речи Бараджа. Держался он по-свойски, можно сказать, по-родственному. И как-то запросто, доверительно, по-мужски поделился подробностями своего давнего посещения Гянджы – родины знаменитого азербайджанского поэта.

– Я тогда был чуть постарше тебя и напросился в эту поездку у отца. Дело в том, что гянджийскому беку Низами, дастанами которого я в ту пору зачитывался, подарили красавицу рабыню. Кстати, рабынями приторговывал отец Кул Гали – богатый болгарский купец. В Гянджу красавица попала не сразу, сначала она досталась одному вайнахскому беку, а он уже уступил ее Низами Гянджави...

Я не буду далее занимать внимание читателя юношескими воспоминаниями эмира Бараджа и опущу эту часть. По правде говоря, я хорошо их и не помню. Ведь сейчас, когда я пишу эти строки и нанизываю на четки своего повествования бусинки событий, извлекаемые из запыленных сундуков моей уставшей памяти, я давно уже разменял восьмой десяток и приближаюсь к вековому рубежу. События, которые я здесь описываю, происходили более 60 лет назад, никого из поминаемых мною лиц уже нет в живых, и потому, возможно, я не все смогу вспомнить с достоверной точностью. За что прошу, не судить меня слишком строго. За непредвзятость и искренность своего рассказа я ручаюсь. Странствующий Хишдек может многое подзабыть, но честь и достоинство хранит до последнего дыхания, пока Аллах не заберет его уставшую душу к себе.

...Вернемся к нашему разговору с эмиром Бараджем. Постепенно я стал понимать, для чего он его затеял. Через меня эмир добирался до друга моего отца – Кул Гали, жившего после падения Биляра (второй столицы Булгарии) и неудавшегося переворота уединенной жизнью в Алабуге.

Когда Кул Гали провозгласили правителем страны с сохранением титула сеида, он, не покидая Алабуги, объявил Татарам газават – священную войну и подготовил по этому поводу специальный фирман. И если бы не вмешательство эмира Бараджа, Татары непременно бы расправились с мятежным сеидом.

Барадж спасал Кул Гали не единожды. Первый раз – во время осады Татарами Биляра, в обороне которого участвовал и сеид. Завидев в толпе пленных Кул Гали, эмир Барадж закричал: «Его нельзя казнить, он верховный сеид всех болгар. Если вы его убьете, то вас постигнет страшная кара!» И присутствовавшие при этом Бату-хан, и багатуры Сабату и Менке, и сын великого кагана Угедая – Гаюк (ставший впоследствии сам правителем Могул Улуса) – все они в суеверном ужасе отшатнулись. Кул Гали спасся, но его внук и жена Салие бикэ (моя мачеха) погибли...

Похоже, зная о близких отношениях наших домов, Барадж хотел через меня установить контакт с опальным, но все еще влиятельным сеидом. Отсюда и его интерес к поэзии, – эмиру как-то плавно и естественно нужно было перейти к интересующей его теме. Когда эмир спросил, нравится ли мне дастан Кул Гали «Кыссаи Юсуф», я сказал, что нет. Я объяснил свое неприятие тем, что в поэме много богословских сюжетов, в которых я плохо разбираюсь (тогда я действительно плохо в них разбирался), и они кажутся мне скучными. Зато я высоко отозвался о произведении «Шан кызы дастаны» Микаэля Башту, пусть несколько фантастическом, но подробно рассказывающем о древней истории тюркских и болгарских племен.

Эмир Барадж опять задумался, но от намеченного плана отходить не стал. Он моментально отрезвел, а может, и не пьянел вовсе, а только притворялся.

– Первое, сынок, о чем я тебе хочу сказать, – твердо и проникновенно произнес Барадж, – я не убивал твоего отца. Запомни это, я говорю сущую правду, клянусь Тенгри!

– А кто его убил? Он ведь умер не своей смертью. Его убили?

– Я не могу тебе сказать... Я сам еще до конца не уверен... Возможно, когда-нибудь ты сам во всем разберешься (забегая вперед, должен сказать, что разобраться в этой темной истории с гибелью моего отца мне так и не удалось, хотя я и предпринимал для этого немалые усилия).

После этого Барадж горячо и быстро начал объяснять, зачем он позвал меня к себе. Эмир хотел поручить мне одну очень важную, государственного значения, как он выразился, миссию, от успеха которой зависит, возможно, будущее страны. Эмир говорил долго и страстно, словно выдавливая из себя накопившуюся боль, временами мне казалось, что он даже не замечает меня, ему просто нужно было выговориться. Я уже не помню в деталях – столько лет прошло! – все то, о чем говорил Барадж, но основные моменты его пламенной речи постараюсь воспроизвести.

Мне показалось, что эмира раздирали муки совести. Дело в том, что Барадж воцарился на болгарском троне с помощью безжалостных Татарских мечей и стрел. Все об этом знали, и многие считали его предателем. В Дарь аль-улюм я слышал рассказ о том, как Алтынчач – дочь свергнутого Алтынбека – нанесла визит в царскую ставку. Когда удивленный Барадж спросил, что ей угодно, гордая принцесса смело ответила:

– Ты – баба, а не мужчина! Поэтому мой отец послал меня, женщину, чтобы передать тебе Указ, в котором ты объявлен врагом ислама и изменником Отечества!

Говорят, Барадж в ответ лишь усмехнулся и спокойно ответил:

– Передай отцу, что спасутся только те города, которые мне беспрекословно подчинятся, остальные же подвергнутся нападению Татар и будут безжалостно уничтожены.

При штурме Биляра Алтынбек был изрублен на куски воинственными туркменами, входившими в состав Татарского войска. Судьба принцессы Алтынчач неизвестна. Одни утверждают, что своими глазами видели, как она сбросилась с минарета и разбилась насмерть. Другие клятвенно заверяют, что сардару Бачману удалось прорваться через вражеское кольцо и вывести Алтынчач из осажденной столицы. Бачман потом еще долго будет досажать неприятелю своими дерзкими вылазками, пока его не поймают на одном из островов Итиля, для чего Татарам придется построить целый флот. Но принцессу так и не найдут...

С высокого минарета Соборной мечети протяжно и певуче пропел азанчи, приглашая правоверных на ясту – ночной намаз. Его красивый сильный голос донесся и до царского шатра. За беседой мы и не заметили, как на землю спустилась ночная мгла и слуги зажгли факелы вокруг открытой беседки, в которую мы перебрались. Барадж не выказывал ни малейшего намерения совершить обязательный вечерний обряд, предписанный всем последователям Арабской веры. Он слишком был увлечен разговором.

Вернемся и мы к нему. Когда дошла весть о приближении Татар, урусские беки, по словам Бараджа, этому сильно обрадовались и организовали поход на Казань.

– Я был на вершине отчаяния, поскольку улугбеком (правителем) Казани, Булгар аль-Джадид в ту пору был мой сын Хисам, – с горечью вспоминал эмир.

А сам Барадж тогда возглавлял один из урусских городов, ему удалось спасти сына, но пришлось бежать на Восток к Татарам. Бату, как утверждал эмир, был на грани отчаяния, был даже готов якобы наложить на себя руки, потому что терпел одно поражение за другим и ждал подкрепления от Верховного хана Угедея. Когда Барадж прибыл в ставку хана, то Бату, со слов эмира, «обезумел от радости» и принял его со всеми почестями, поселил в отдельную юрту, предназначенную для самых сановитых гостей из Дома Чингиза.

– Что ты хочешь от меня? – спросил Бату.

– Разве ты уже стал Верховным каганом? – не отвечая, сам задал вопрос Барадж.

– Нет, каган – Угедей, а я только его ставленник в Кипчакском юрте.

– Тогда на твой вопрос я отвечу Угедею.

...Угедей встретил гостей верхом на лошади возле своей «золотой юрты». Бату, со слов эмира, «упал ниц лицом к ногам его лошади», а сам Барадж лишь вежливо поклонился Верховному кагану.

Беседа двух правителей состоялась в красиво убранной летней беседке на живописном холме. Джуры Верховного кагана оцепили кольцом беседку. Как утверждает Барадж, беседа проходила без посредников. Сначала с ними был переводчик, но потом, когда выяснилось, что Угедей говорит на одном из тюркских наречий, талмач был удален.

Каган восхитился ответом Бараджа хану Бату («Разве ты уже стал Верховным каганом?»), о чем ему, конечно, уже донесли:

– Ты великий каган, если так сказал!

– Я всего лишь эмир, – скромно заметил Барадж, отдавая себя отчет, что перед ним сидит сын самого Чингиза – основателя одной из самых могущественных Держав, существовавших когда либо на Земле.

– Откуда идет твой род?

– От правителей хонов.

– Наш род тоже идет от правителей хонов. Ты должен занять в нашей Державе достойное место. Ты хочешь сесть на болгарский трон?

– Да, но тогда тебе придется заключить со мной союз.

– Считаю, что такой союз уже заключен. Я признаю тебя эмиром Булгарского юрта, помимо этого ты будешь нашим послом с Западом.

Слушая рассказ Бараджа, я пребывал в сильном волнении. В моем возбужденном мозгу роились бесчисленные вопросы, я не удержался и спросил:

– А мои предки – отец, дед и прадед Отяк – тоже идут от правителей хонов?

– Да, – подтвердил Барадж. – И прежние великие цари – и Мете, и Атил, и Курбат – все они из этого рода. Из царского рода.

– А Чингиз-хан и его потомство – они тоже царского рода?

– Не из царского, но они тоже хоны.

Мой юношеский патриотизм был уязвлен, я в сердцах воскликнул:

– Если мы приходим из царского рода, почему правитель Булгара – только эмир, а правитель Татар – каган!

– Такая сейчас ситуация, – сухо и уклончиво ответил Барадж. – Но назначив меня послом с Западом, Верховный каган оказал мне большую честь, он принял меня в правящий Дом Могул. Я единственный не чингизид в этом Доме. И мой статус посла Верховного кагана выше ханского, ибо я не подвластен ни одному Татарскому хану из Дома Могул.

– И Бату тоже?

– И ему тоже, я исполняю приказы только Верховного хана.

И, не обращая внимания на мои дальнейшие расспросы, даже будто не замечая меня самого, эмир начал рассказывать о своем «вещем сне», который он видел, еще будучи урусским улугбеком.

– Мне приснилось, будто я стою на пепелище разрушенного Булгара, и сам Тенгри велит мне спасти страну от опустошительного набега Татар. Приехав в ставку Верховного кагана и увидев, какой реальной мощью обладают Татары, я еще больше убедился в правильности своего решения. Я пошел на сделку с Угедеем не для собственного возвышения и спасения, а для спасения Отчизны от бессмысленной гибели в столкновении с Татарами. Хотя многие думают по-другому.

Помолчав, Барадж повелел:

– Я хочу, чтобы ты поехал к Кул Гали и передал ему наш разговор. Он очень хорошо относится к вашей семье, возможно, он тебя выслушает. Скажи ему, что я хочу предложить ему снова стать главным сеидом-имамом всего Булгарского юрта, поскольку он пользуется в народе большим авторитетом. Если Кул Гали проявит мудрость и, отбросив свое предвзятое отношение ко мне, примет мое предложение, то это поможет укрепить единство народа и укрепит наш юрт.

– Когда выезжать?

– Немедленно.

Косточка хурмы

Сказав "Немедленно!", эмир Барадж, конечно, погорячился. Молочная водка, видимо, все-таки ударила ему в голову. На самом деле мы с теми же нукерами эмира, которые сопровождали меня в белокаменную столицу Булгарского юрта, погрузились на специально снаряженный корабль лишь рано утром. На нем мы переплыли через успокоившиеся волны Итиля, а дальше, уже конным ходом отправились по Чаллыньскому тракту в Алабугу, где в почетной ссылке находился Кул Гали.

Кул Гали... Настоящее имя имама было Мухаммад-хаджи Гали ибн Мирходжа. Да, он был сыном, как уже говорил эмир Барадж, булгарского купца Мирходжи. А новое имя "кул" – "раб" он взял себе в оймякских степях Тубджака, куда бежал, спасаясь от разъяренного гнева Чельбира после очередного неудавшегося мятежа. От булгарского эмира бунтовщик-то бежал, но вот от Могулов не смог. И неизвестно, сколько бы он пробыл у них в рабском плену, если б опального сеида не отбил один степной бек, восхищенный героическими дастанами, которые Кул Гали мастерски исполнял под ритмические удары старинной думбры. Степняки принимали сказителей за святых, уверенные, что они умеют разговаривать с Небом. Вот тут-то беглец и придумал себе это имя "кул" в знак солидарности с угнетенным народом. Так говорят в самом народе. Но у меня есть свои соображения на сей счет, чуть позже я расскажу, как они появились.

А вам приходилось размышлять под мерный топот конских копыт?.. Очень, кстати, неожиданные и интересные мысли приходят в голову. Так многие чичены (сказители), опустив поводья лошади, в такт ее ходу начинают играть на кубызе (губной инструмент), а в мыслях подбирают слова к своим будущим байтам.

...Тихо поскрипывает сухой хворост костра. В его отблеске отсвечивается напряженное, изуродованное безобразным шрамом лицо старшего нукера Алмаза. Наш отряд остановился на ночлег, разбив походные юрты на опушке Бершудского леса, от которого нам еще сутки скакать до конечной цели назначения – Алабуги. Думбрист поет, точнее, рассказывает байт бесстрастным, хриплым голосом, кажется, он даже не совсем понимает смысл произносимых им слов.

Я со слов "Бисмилля" начинаю хикмат,
Жемчуга и брильянты дать инокам рад.
Ах, возможно ли горше стенать и страдать,
Я хикматов своих начинаю вступление.
Для любого пишу, кто захочет мне внять,
Я любого, как близкого, жажду обнять.
По головке всех сырых я глажу опять,
А от гордых бегу я, впадая в смятение.
Вдруг ворота любви отворил мне Аллах,
Он мне шею согнул и повергнул во прах.
От проклятий его я не встану никак,

Сам поднял я копье и вонзил себе в сердце.

– А дальше, дальше? Что ж ты замолчал? – прошу я продолжить пение старшего нукера Алмаза.

– А дальше я не помню, – наморщил лоб мой визави, отчего шрамы на его суровом, обветренном степными бризами лице, стали еще заметнее.

– Откуда ты знаешь хикматы Ходжа Ясави, он ведь не из наших краев?

– Их пел Кул Гали.

– Как! – удивился я. – Ты знаком с нашим сеидом, вот почему эмир Барадж отправил тебя к нему вместе со мной?

– Нельзя сказать, чтобы я был с ним близко знаком, так, пересекался пару раз. Но это было давно, еще в детстве.

– Расскажи мне об этих встречах.

Алмаз пристально посмотрел мне в глаза, словно прикидывал, насколько откровенным можно быть с этим юным шакирдом, то есть со мной – он ведь практически не знал меня. После продолжительной паузы нукер все же заговорил:

– Тогда я был еще совсем мальчишкой. Мы с отцом ездили на ярмарку в Кашан, там как раз я в первый раз и увидел Кул Гали. Эмир Чельбир приказал своим стражникам схватить

Кул Гали, как зачинщика смуты. На что сеид сказал, кто к нему приблизится, утонет в реке Итиль. Все знали, что сеид – аулия, и все его предсказания сбываются, поэтому отказались выполнять приказ Габдуллы Чельбира. Только один безрассудный сардар, кажется, его звали Гуза, стал переплывать через реку, чтобы схватить Кул Гали. Но он утонул. Предсказание сеида сбылось.

Меня до глубины души потряс этот короткий рассказ нукера Алмаза, я и раньше слышал об этой истории, но когда она произошла, Творец еще не соизволил видеть меня рожденным на нашей многострадальной земле. А тут сам очевидец, хотя был тогда совсем мал, подтверждает ее подлинность. Я погрузился в свои мысли. Да, в жизни Кул Гали различных чудес происходило немало. Везде, где бы он ни был – в Герате, в Иерусалиме, в Мекке, в кипчакских степях, а особенно в своем родном Булгаре – с ним всегда что-нибудь да приключалось. Но это чудо, о котором мне поведал сейчас нукер, кажется, было первым. Как писал сам сеид в своей знаменитой поэме "Сказание о Юсуфе":

Здесь с Юсуфом случилось первое чудо,
Соленая вода превратилась в питьевую.

Вообще, без чудес великих людей не бывает, только чудеса делают их великими и святыми. Когда видишь что-то такое, чего не можешь понять сразу и осмыслить, начинаешь думать: о! а этот человек совсем непрост, наверное, он аулия (святой), коль способен на такое. Честно говоря, я не всем этим чудесам верю. Не верил тогда, в 17 лет, когда был еще совсем несмышленишкой, тем более не верю сейчас, в свою закатную пору, когда уже нужно готовить грешную душу ко встрече со Всевышним. А верую я лишь в одно: главное чудо – это плод Творца нашего, то есть, сам человек. Но не просто человек, как какая-то земная букашка, а Человек Небесный, Человек с большой буквы, достойный или, по крайней мере, стремящийся быть достойным своего Творца и не нарушающий своей неразумной жизнью замысла Всевышнего. Мало кому это удастся. Кул Гали удалось.

– Уже поздно. Завтра рано вставать, надо ложиться спать, – прервал полет моих "высоких мыслей" спокойный и рассудительный голос старшего нукера Алмаза.

– Да, конечно, сейчас пойдем, – отозвался я, подкидывая в догоравший костер сухой хворост. – Только ты не сказал, когда Кул Гали пел хикматы Ясави, когда это было?

– А как раз вскоре после той самой истории, – Алмаз оживился, видимо, он, несмотря на всю свою непроницаемость, тоже испытывал некое волнение от пережитого воспоминания. – Сеид чудесным образом спасся и скрылся в Булгаре, в доме моего отца (пусть будет место ему в раю). Мой отец, тоже, как и я, был нукером, но служил не у Габдуллы Чельбира, а у твоего отца Мир-Газиза. Твой отец и спрятал своего друга Кул Гали у нас в доме.

– Как! – уже во второй раз за этот необычный вечер удивился я. – Ты знал еще и моего отца?

– Нет, конечно. Я только мельком его видел, когда он привел в наш дом Кул Гали. Потом почтенный эмир тут же удалился вместе со своей охраной.

– А может ты что-нибудь слышал о том, как его убили? Моего отца же убили?! – с юношеской горячностью воскликнул я.

– Мне о том неизвестно. Мой отец рассказывал мне об эмире Газизе. Смутное было тогда время, Чельбир душил народ непомерными налогами. Но твой отец Мир-Газиз был добрым, справедливым эмиром. Так же, как и Кул Гали.

– Значит, в вашем доме Кул Гали пел хикматы Ясави?

– Да, и я кое-что запомнил. Сеид провел у нас только вечер и ночь, а рано утром отец вывел его в степь, на дорогу к Хорезму.

Да, где-то в той степи его и перехватили Могулы. А потом Кул Гали выкупил один влиятельный степной бек. После рассказа Алмаза цепочка событий в моем воспаленном мозгу замкнулась – все встало на свои места. Командир нашего отряда отправился в свою маленькую походную юрту, а я еще долго сидел у потухшего костра, занятый отгадыванием очередной загадки в жизни таинственного сеида. Я тоже, конечно, слышал, как Кул Гали исполняет хикматы Ясави. Алмаз оборвал их на полуслове, а дальше там были такие строчки:

Соблюдая молитвы, стал божьим рабом,
В подземелье теперь просветленный мой дом.
Я стал суфием, мне не мечтать об ином,
Упованья копьем я пронзил вожделенье.

Кул Гали считал Ясави своим духовным наставником, хотя никогда с ним не встречался. Он и не мог с ним встретиться, поскольку учитель жил несколькими веками ранее. Но будучи в граде всех изящных искусств Хорезме и в столице ученого мира всех мусульман Бухаре, он близко познакомился с творчеством Ясави. Сеид даже вступил, кажется, в Орден дервишей Ахмада Ясави, у которого было очень много последователей по всему Турану.

По легенде, Ясави вел свою духовную преемственность от самого Пророка Мухаммада (да будет доволен им Аллах). Однажды Пророк сидел со своими сподвижниками под тенистым деревом и ел хурму. Косточка выпала из лягана на землю. Пророк поднял ее и передал одному из своих учеников по имени Арыстан-Баб со словами: *«Эта хурма предназначена для мусульманина Ахмеда, который родится на 400 лет позже тебя»*. Как же я его увижу, удивился Арыстан-Баб. Все в воле Аллаха, последовал ответ.

Как гласит народное предание, Арыстан через 400 лет действительно стал наставником Ходжи Ахмеда Ясави и передал ему эту косточку хурмы. Честно говоря, я не верю этому преданию – чего только не выдумают ученики-фанатики! А вот другая история мне кажется вполне правдоподобной.

Говорят, достигнув возраста Пророка, Ясави удалился в глухую провинцию и добровольно заточил себя в подземелье, ожидая когда Газраил заберет его душу на суд Аллаха. Он считал, что не имеет права жить дольше Пророка Мохаммада (мир ему). Но желанная смерть в 63 года – именно столько, как известно, прожил на этом свете наш Пророк – не наступала. Ученики на веревке спускали в его подземную келью лепешки и воду. А еще – чернила и бумагу. И Ясави писал под землей свои хикматы.

Раб Ходжа Ясави, был невеждою я,
Слеп и глух во грехе, в сердце горечь тая,
В сожаленьях прошла жизнь лихая моя,

Что же делать, кочевье веду к восхождению.

... И тут меня пронзила ослепительная догадка! Раб Ходжа Ясави... Да, автор бессмертных хикматов называл себя Кул Ясави... «Кул» – это «раб», «раб Божий»... Точно так же потом назвал себя и опальный сеид Кул Гали, добровольно заточивший себя в Алабуге, подальше от царствующего дома и его дворцовых интриг. Как же я сразу не догадался? Кул Гали последовал примеру своего учителя Кул Ясави...

Я презренный раб Ханиф Татар, тоже бывал в Хорезме и Бухаре, где я только не бывал за свою длинную жизнь, ведь я давно уже миновал возраст Пророка. Но нигде я не видел таких больших и близких людям звезд в ночном небе, как в Бухаре. В Булгаре звезды ночью святят совсем по-другому, мерцают холодно и бледно, подавая нам какие-то знаки из дальних глубин Вселенной...

О чем же я еще думал в ту бессонную ночь во время нашего перехода из Булгар в Алабугу? Я вспоминал все, что знал о мятежном сеиде. А знал я о нем немало, еще с детства, гораздо больше чем о своем отце, который покинул наш бренный мир очень рано (пусть место ему будет в раю). Я переживал сложные, противоречивые чувства по отношению к другу отца и мужу моей мачехи, красавицы Салии. Нет, то была не ревность. И не обида. Понимая все величие Кул Гали, как поэта, ученого, духовного лидера нашей Державы, я все же не то, чтобы недолюбливал сеида, я до конца не понимал его мятежной, страстной натуры. Это был самый загадочный и непредсказуемый человек, которого Всевышний послал мне на моем длинном жизненном пути. А самая странная и неожиданная фраза, слетавшая с его уст была такой: *«На самом деле настоящие Татары – не они, Могулы, а мы – Булгары»*. И эти слова произнес человек, который неистово, до умопомрачения ненавидел Татар. Бесконечно, бесповоротно. Также бескомпромиссно их ненавидел еще только один человек – это Чингиз-хан. И вдруг такое откровение! Мозг отказывался это понимать. Впрочем, я опять забегаю в перед, нарушая естественный ход событий. Старость...

В ту долгую, странную, холодную ночь возле потухшего костра в Бершудском лесу, я еще не слышал этих слов от Кул Гали. Я услышу их лишь завтра, впрочем, уже сегодня – над кроной темных деревьев забрезжил рассвет. Да, я скоро их услышу, и возьму себе второе имя «Татар». Какая-то неведомая сила заставляет меня защищать униженных и оскорбленных. Если обижают Татар, я становлюсь на сторону Татар, если обижают Булгар, я становлюсь на сторону Булгар. Тем более, что Татары и Булгары имеют одного прародителя. Но об этом позже.

А пока мои мысли заняты Кул Гали. Мятежный сеид оставил много загадок. Я всю жизнь их разгадываю. Других людей понять мне было как-то проще. Взять, к примеру, Гази Бараджа или Бату-хана – двух властителей крупнейших Держав. По воле Аллаха, при дворе обоих правителей мне довелось прослужить немало лет. Или вспомним моего горского деда Альмята, который был полным антиподом, абсолютной противоположностью настоятеля академии Дарь Аль-улюм доносчика Кылыча. Все они, не говоря уж о бесхитростных нукерах, сопровождавших сейчас меня в Алабугу или о моих сверстниках шакирдах, все они были для меня просты и понятны, как тубетий чирмыша-пекаря – ни одного затейливого узора. Мне как на ладони были видны мотивы их поступков, их поведение, их характеры. Мне даже порою кажется, что я могу залезть в головы и души совсем незнакомых мне людей, и прочесть там их самые потаенные мысли и угадать их самые заветные желания. Но вот душа Кул Гали, как была, так и остается для меня за семью печатями.

Знаменитый табиб Ибн Сина делил всех людей на три типа в соответствии с их особенностями. Это люди Ветра, Желчи и Слизи.

Высокий, мускулистый, очень сильный и подвижный. Мягкая речь, открытый к общению, всегда в хорошем расположении духа. Это эмир Гази Барадж – типичный представитель людей Слизи.

Хан Бату – конечно, человек Желчи. Среднего роста, крепкого телосложения. Требовательный вожак, стратег. Неукоснительно идет к намеченной цели, вынослив. Громкий голос

не мешает проявлять миролюбие. Но когда возмущается его Желчь, он начинает раздражаться по любому поводу, в гневе неудержим.

А вот Кылыч – типичный Ветер. Маленький, подозрительный, с неустойчивым настроением, очень худой и злобный.

Кул Гали не подходил ни под один тип. Иногда он вел себя, как человек Слизи, был рассудительным и веселым; но вдруг начинал сильно злиться и ругаться – Желчь так и лилась из его воспаленного мозга; а еще через минуту прилетал залетный Ветер, чтобы овеять его злобный шакалий оскал. При этих неожиданных переходах у кудесника-имама как бы даже начинал меняться сам облик: рост, вес, тембр голоса... Кул Гали – это мираж в ковыльной степи в виде силуэта скачущего всадника, который медленно размывается и исчезает в гаснущих лучах заходящего солнца. Я всю жизнь гнался за этим ускользавшим от меня миражом, и никак не мог его поймать. Однако, если случится чудо и на Небесах Всевышний позволит мне очутиться в том же месте, где покоится душа загадочного сеида, думаю, нам будет, о чем поговорить...

Я проснулся от чьего-то легкого прикосновения – сон сморил меня тут же на желтеющей траве, возле догоревшего костра. Это был нукер Алмаз. Его солдаты уже напоили лошадей и грузили свои походные юрты.

И мы помчались в Алабугу. Я всю дорогу погонял Алмаза: «быстрее, еще быстрее, мы можем не успеть!» Меня с утра мучило какое-то нехорошее предчувствие, я боялся, что с Кул Гали что-нибудь случится. Мне в голову пришла еще одна сумасбродная мысль. Никто ведь точно не знал, когда именно, в какой год и день родился сеид. Одни говорили, что в 1183 году по милади, другие – на 10 лет раньше. Если мои догадки верны, то Кул Гали сейчас пребывал в возрасте Пророка, и он, как и его учитель Кул Ясави, отправился в добровольное заточение в Алабугу, чтобы дожидаться там скорой смерти. Я уже точно знал, что он отвергнет предложение эмира Бараджа вернуться на государственную службу и не захочет вновь стать главой всех муслимов Булгарского юрта. Он ведь уже достиг возраста Пророка (мир ему), и наверняка решил отойти от всех земных дел...

Слава Всевышнему, мы успели! Сеид встретил нас в своей скромной келье, лежа на деревянном тапчане за саке, на котором покоились лишь засохшая чернильница и чистый лист бумаги. Завидев меня, Кул Гали слегка приподнялся и улыбнулся. Вернее, попытался улыбнуться. Запекшиеся губы что-то слабо прошептали, я налил ему из кумгана воды. Предчувствия меня не обманули. Кул Гали был плох, очень плох, я заметил в углу комнаты, возле кованного зеленого сундука, заваленного пыльными рукописями, погребальный саван. Сеид ждал ангела смерти Газраила. Кул Гали взмахнул худой кистью, словно отгонял надоевшую муху, кажется, он хотел остаться со мной наедине. Я попросил Алмаза увезти своих нукеров и попытался передать сеиду просьбу эмира Бараджа. Но старик, как я и предполагал, даже слушать ничего не стал о Гази Барадже, он явно торопился сообщить мне какую-то важную весть.

По происшествии стольких лет мне трудно в точности передать наш разговор. Скорее, это был не разговор, а рассказ, что-то вроде духовного завещания, которое спешил составить мне умирающий сеид. Опишу его, как помню, если что забуду или по старости искажу, да не осудит меня Аллах.

Кул Гали начал издавна, от родословной, но не только булгар, которую я хорошо знал, а всего Туранского народа, который он называл хонским. Иногда сеид просил принести ему его старые рукописи, чтобы освежить в памяти те или иные детали. О чем же поведал мне Кул Гали? Одну из тем я здесь опушу, вернусь к ней позже, когда дойду до описания моей службы в ставке Верховного хана Угедея. Уйгурские бахши подтвердят потом все, что сказал мне булгарский сеид. Также я не буду касаться родословной Булгар, ее мы изучали в Булгарской академии, а вот историю Татар и Могул мы плохо себе представляем. У меня сохранился краткий конспект "завещания", которое оставил мне Кул Гали, по нему я и буду все излагать, сохраняя при этом именно то написание имен, которое приведено в этом конспекте.

Итак, с помощью Всевышнего начнем.

У Пророка Ноя, как известно, было три сына – Хам, Сим, и Яфес (Яфет). Яфес жил на берегах рек Идель (Волга) и Яик (Урал). Он оставил после себя 8 сыновей. Турк (старший сын) и Русс остались жить на этих же землях и в их окрестностях.

А у Турка было четыре сына, старший сын Таунак стал наследником. Он много чего придумал, например, посыпать мясо солью, так оно становилось вкуснее. Во время его правления возвысился Иран.

После Таунака правил Элча-Хан, он тоже был долгожителем. За ним – Дибакуй-Хан, за ним – Каю-Хан – все долгожители. Все жили дружно, мирно, никто ни на кого не нападал и не убивал.

Распри начались с потомков Аланча-Хана, у которого были два сына Татар (старший) и Могул. В течение нескольких поколений после них не было вражды, она началась позже. Татар-Хан жил долго, за ним правили Буха-Хан – Эттеле-Хан – Аттаичир-Хан (вел войны) – Орда-Хан (без войн) – Байда-Хан (задумал войну с Могулами, но умер). Суеныч-Хану пришлось воевать с Могулами, но те на тот момент оказались сильнее. Однако Суеныч призвал соседей и вместе они одолели потомков Могул-хана.

Что касается Могулов, как сказал Кул Гали, мы их имя произносим неправильно, но поскольку так уже привилось, изменять его не будем. А правильно говорить не Могул-Хан, а Мунг-Хан. Слово "мунг" по-хонски значит "печальный". Мунг-Хан, оказывается, действительно часто пребывал в печальном расположении духа, еще с детства, поэтому его так и прозвали. Через девять колен после Могула (Мунга) правил Иль-Хан. Чингис-Хан появился спустя много лет, он ведет свой род от Мунга, а не от его старшего брата Татара.

Помимо Чингиз-Хана из этого рода прославился также сын Кара-хана, который правил задолго до Чингиза. Когда у Кара-Хана родился сын, малышу до года не давали имя (таков был обычай). А ребенок вдруг сам сказал "Я Огуз" и добавил "Алах! Алах!" О, чудо! Но никто не верил этим чудесам, над ними просто смеялись. Хотя это было знамение от Аллаха. Когда Огуз подрос, он стал ханифом – единобожником, и пошел против своего отца – идолопоклонника. (Эту историю я воспринимаю, как легенду, да и сам Кул Гали, похоже, ее воспринимал также).

Огузу удалось одержать победу не без помощи своих двоюродных братьев, детей младших братьев Кара-Хана. Они все, как один, перешли на сторону Огуз-Хана. И он назвал их "уйгурами", что по-хонски означает "прилепившиеся".

Огуз-Хан приютил сироту – сына одного из своих нукеров, мать рожала его, присев на корточки у засохшего дерева. Огуз-хан взял его на службу и назвал "кыпчак", что по-хонски значит "пустое дерево". От этого Кипчака все кипчаки и произошли. А землю, которую они населяют называли Дешт-Кипчак («дешт» на фарси «степь»).

– А сейчас стали называть Улус Джучи, по имени старшего сына Чингиз-Хана, – прервал я рассказ сеида.

– Подожди, Татары еще и не так назовут, – подтвердил мои слова сеид и смочил водой запекшиеся губы. – Хотя имя не столь важно, нашу Булгарскую державу тоже по-разному называли и во времена Атила, и во времена Курбата. Кто стоял во главе войска, тем именем и называли. Главное – не имя, а каким будет юрт, и какие правители и как будут им править, по справедливости, как твой отец, или по-предательски, как Барадж.

Я понял, что старик смирился, во всяком случае допускал, что в Булгарском юрте установится, пусть и не надолго, власть другого хонского племени – на данный момент, самого сильного и могущественного. Но эмира Бараджа все же прощать и понимать он не хотел. Кул Гали оказался провидцем – как только на моей памяти не называли нашу булгарскую Державу: и Улус Джучи, и Улуг Орда, и Нугай Орда, как сейчас ее иногда называют, когда я пишу эти строки, и только Всевышний ведает, как еще ее назовут в будущем.

Однако о я отвлекся. Вернемся к нашему более чем полувекковой давности разговору с Кул Гали, некоторые важные моменты которого вдруг отчетливо стали оживать в моей памяти.

– Извините, сеид, я перебил...

И Кул Гали продолжил свою "лекцию". Обращусь вновь к своему конспекту.

От Огуз-Хана до Чингиз-Хана – больше 4 тысячи лет. И все это время никто кроме кипчаков на их территории не жил. Огуз-Хан создал огромную Державу, так же, как и другие хонские правители – Мете, Атил, Чингиз...

– Уважаемый сеид, – обратился я к рассказчику, – извините, вы упомянули, что Огуз-Хан был ханифом.

– А-а, это очень важно, хорошо, что ты напомнил. Отец неспроста тебя так назвал...

Ханиф, задумайся над значением своего имени, в нем есть великий смысл, – и вдруг сеид, закашлявшись, откинулся на свою лежанку.

Еще одна загадка, которую задал Кул Гали. Но тут все просто: ханиф – значит, единобожник. Даже в ал-Куране (Коране) написано, что Пророк уважительно относился к ханифам, которые жили и в его время, и задолго до него. Вот это место в Священной книге, сура 10, аят 105: "Придерживайся только Истинной Веры, будучи Ханифом".

Булгары никогда не были идолопоклонниками, они были ханифами. Их еще называли людьми "прямой веры".

Кул Гали замолчал. И я понял, что мне пора его покинуть, сеид спал безмятежным сном младенца. А когда с нукерами Алмаза мы вернулись в скромную алабужскую келью Кул Гали, то обнаружили там лишь его охладевший труп.

Да, Кул Ясави, кому легендарный Арыстан-Баб передал символическую косточку хурмы от самого Мухаммада (мир ему), не смог умереть в "возрасте Пророка". А вот Кул Гали, который, как и его духовный учитель Кул Ясави, похоже, "стеснялся" жить дольше "печати всех Пророков", покинул наш бренный мир точно в 63 года. Кул Гали – пусть место будет ему в раю – мог всё!

На груди у отошедшего сеида покоилась недописанная им рукопись «Хон китабы», а в разжатом кулаке – косточка... хурмы.

Братоубийственный союз

Уйгурские писцы – бахши – были весьма грамотными людьми, владели языками всех больших народов Могул Улуса, знали также и китайские наречия. Могульские правители держали их всегда при себе, они, по сути, были их доверенными лицами. Помимо составления важных государственных бумаг, ведения деловой и дипломатической переписки, бахши вели еще всю историческую хронику, оформляли ханские шажара – родословные.

Моя роль при дворе Верховного хана Угедея, куда меня пристроил эмир Барадж после торжественных похорон Куг Гали, была несколько иной: я занимался чисто канцелярскими делами и определял не прошлое, а настоящее Могул Улуса и его будущее. Хотя умные правители хорошо знают, что их будущее сильно зависит от прошлого, и даже больше и сильнее не от того прошлого, какое было на самом деле, а от того, каким изобразят его писцы-хронисты. Поэтому, заявив, что моя деятельность в канцелярии Верховного хана могла оказывать хоть какое-то влияние на текущую политику, я, конечно, приврал. Никакого влияния ни на какие события я не оказывал и оказывать не мог. Роль моя была весьма и весьма скромная: в отличие от уйгурских бахши, я составлял не сами документы, а их формы, шаблоны.

Сейчас поясню на примерах.

У меня был красивый каллиграфический почерк, писал я арабскими буквами на разных языках: тюрки, фарси, арабском, быстро освоил и могульский – это что-то среднее между старохонским и нашим булгарским тюрки. По-хински (китайски) писать я не умел, но разговорную речь более-менее понимал. Я оформлял шапку и концовку разных посланий. В верхнем квадрате бумажного, привезенного из Хина листочка, я выводил:

Предводителю – милостью владыки обоих миров (так обращались к арабским правителям) – нашему брату...

А в нижнем квадрате, где было место для печати, подписывал

Верховный каган Могул Улуса Угедей, сын Великого Чингиз-хана.
Написано в год курицы, 8-го раджаба.

Если письмо было не секретным, то позже мне давали переписать и его текст. Верховному хану оставалось лишь поставить свою печать. Также я готовил формуляры ярлыков на княжение, тарханные грамоты, ярлыки-договоры, предписания послам и другие подобные документы. Больше всего приходилось работать над различными ярлыками. Вот текст одного из них:

Предвечного Бога силою, пламени великого благоденствия
покровительством, наш, Угедей-хана указ, даругам-князьям городов
и селений, князьям войска, писцам, таможникам, проезжим послам,
сокольникам и звериным ловцам.

Знакомство и дружба с уйгурскими бахши оказались для меня очень полезными. Мало того, что уйгуры научили азам делопроизводства, благодаря им я сильно расширил свой кругозор. Если раньше я смотрел на историю и жизнь различных народов только глазами собственных, булгарских и арабо-персидских авторов, то теперь с помощью моих новых друзей я взглянул на мир как бы с другой стороны, благодаря открывшимся мне китайско-могульским хроникам, иногда секретным.

Хвала Аллаху, я получил возможность сопоставлять! Ведь не зря говорится: истина познается в сравнении.

Я обещал написать о разгадке слов Кул Гали о том, почему настоящими Татарами нужно считать нас, Булгар, а не Могулов – время это настало. Мне удалось найти подтверждение

высказываниям болгарского сеида у уйгурских бахши. Внимательный читатель обратил, наверное, внимание, что поданных Угедей-хана я называю то Могулами, то Татарами. Так вот, Чингиз-хан и его приближенные сами себя Татарами никогда не называли, только Могулами, а Татарами они называли завоеванные народы. Это повелось со времени, когда Чингиз-хан покорил, как он думал, Татар и создал свою империю, назвав ее Могул Улус. Хотя Татары и Могулы были очень близкими племенами, более того, они имели, как мы это уже выяснили, одного пра-родителя и произошли от двух родных братьев, старшего из которых звали Татар, а младшего Могул. Об этом мне рассказывал Кул Гали, об этом же я прочитал и в шажара, родословной самого Чингиза. Назвав свою Державу Могул Улус, Чингиз-хан хотел возвеличить свой род, своих предков и поставить окончательную точку в многовековой войне с Татарами. Но у него не получилось. По иронии истории, поданных Могульской империи, и даже иногда Булгарского юрта, стали именовать Татарами, а вновь созданную державу, похоже, скоро будут называть не Улуг Могул, а Улуг Татар. Пока, это шутка. Но только Аллах знает, что нас ждет там впереди.

Хотя Чингиз-хан и считал, что он изничтожил всех Татар, но это не так. У него самого одна или даже две жены были Татарками. А сын Джучи – неизвестного происхождения, значит, такими же «неопределенными» были и его внук Бату, и остальные джучиды – законные претенденты на ханский престол во всех завоеванных армией Чингиз-хана странах. Завоевано же "Потрясателем Вселенной" было немало, аж пол-мира! Кстати, многие полководцы в могульской армии тоже были из числа Татар, не говоря уж о рядовых воинах. Так что, Татар во всем мире много, очень много, как дикой полыни в степи. В какой иль не приедь и в кого не ткни пальцем, обязательно попадешь в Татара. Это племя неистребимо, как и племя иудеев. Но если иудеи завоевывают страны, подкладывая своих женщин под правителей этих стран и подкупая их, то Татары делают это, захватывая через свои тайные династические связи армии этих стран. Похоже, таким образом они хотят захватить и нашу Державу...

Хотя, как я теперь уже своим зрелым умом понимаю, несомненно был какой-то тайный сговор моего дяди, эмира Чельбира с Чингиз-ханом, не с ним самим, конечно, а с его Татарским окружением. А с его старшим сыном Джучи – хозяином Кипчакской степи, которую вскоре стали называть Татарской степью – наши уже общались напрямую. Что касается Бату, то эмир Барадж совершал с ним совместные военные походы на Запад. Наделенный Верховным ханом Угедеем особым статусом "переговорщика" с западными странами, Барадж был единственным не чингизидом, который входил в правящий дом Могул Улуса и официально не подчинялся Бату-хану...

Извините, но тут я вынужден прервать поток своих мыслей... В голове родился вопрос – а мой отец, Мир-Газиз, который был правителем Булгарского юрта до эмира Бараджа, он тоже состоял в тайном сговоре с Татарами? Как же мало я знаю о своем отце...

Тут мне вспомнились слова эмира Бараджа, произнесенные им во время последней встречи в Булгаре в каком-то возбужденном опьянении:

Если бы ты знал хоть малую толику из того, что знают сильные мира сего, ты бы ужаснулся.

Я долго размышлял над этой загадочной фразой. Да, несомненно, царствующие на нашей планете династии обладают тайными знаниями, которые недоступны простым смертным. Эти знания никогда не излагаются на бумаге, тщательно скрываются от обывателей и лишь передаются из уст в уста, из поколения в поколение царей. Но только настоящих царей, династических, "царей по крови", а не временщиков или "народных правителей" вроде Чингиз-хана, избранных на общем курултае. Таких "царей" просто используют втемную, а потом выбрасывают на свалку истории или намеренно возносят до небес.

Кто использует? Это главный вопрос. Все большие Державы непременно создаются вдоль Великого шелкового пути, который идет из Хина на запад, в Фарангистан и обратно. Кому-

то очень нужно, чтобы этот путь был безопасным и охраняемым. Проще это сделать, если его будет контролировать один правитель. Да, для овладения Великим Шелковым путем и богатствами, которые он сулит – вот из-за чего создаются великие империи, вот чего добиваются безмерно жадные до наживы купцы, что западные, что восточные. Вот почему все непременно хотят завоевать Инд (Индию) и Хинд (Китай), завоевать для того, чтобы потом безраздельно господствовать на протяжении всего Шелкового пути. А для этого нужно покорять сотни племен и народов, огнем и мечом выжигать их города и кочевья, – ненасытная жажда наживы! Не только Чингиз, но и мой дядя Чельбир ходил в военные походы на Индию, Китай, Иран... Правда, неудачно, а вот Чингиз-хан их все завоевал. Как это удалось? Кто ему помогал? Кто вообще стоит за алчными правителями, кто оплачивает их услуги и подталкивает на различные войны? Сие тайна большая есть.

Но ни Чельбира, ни Чингиза, ни других завоевателей я не считаю великими правителями. По настоящему велик тот, кто смог достичь покоя и благоденствия в своем собственном юрте, не покушаясь на богатства соседей. Этого и пытались добиться мой отец эмир Газиз и его друг, сеид Кул Гали. Не получилось... Похоже, кто-то очень влиятельный и могущественный им помешал. Кто?..

Спросить бы у Кул Гали. Сеид много чего знал, хотя и не был «посвященным» и никогда не стоял во главе Булгарского юрта, он не был "царем по крови", как Чельбир, Барадж или мой отец... Мой отец... Да, Мир-Газиз был потомственным правителем, эмиром большой Державы. И если б остался жив и передал мне по наследству свою власть, то вместе с ней должен был передать мне и сокровенные династические знания. Но хотел ли я этого? Не хотел. Нет, знаний я, конечно, хотел, а вот царствовать не хотел. Не мое это. А что мое?..

Сейчас накрапывает дождь и мелкими капельками нависает на мое окно, я макаю перо в чернила и пишу эти строки, оставляя на писчей бумаге следы своих неспешных раздумий и воспоминаний... И это мне нравится, и это мне по душе!

А знания добудем как-нибудь сами. Как их добывал Кул Гали. Но ему было легче. Он был близким другом моего отца, которого я почти не знал, сеид же вершил вместе с ним государственные дела и проводил демократические реформы в нашей Державе. Хотя все они благополучно провалились. Все демократические реформы почему-то всегда проваливаются. Потом, после смерти моего отца, Кул Гали был женат на его супруге, вдове эмира и моей мачехе Салие. Он был в нее безумно влюблен, почитая, как богиню красоты Айсыт. Но разве его "Айсыт" была посвящена в секреты "Булгарского двора"? Разумеется, нет. Кул Гали был человеком ученым, занимался историей и поэзией, и сам занимал немалый пост, практически второй в государстве, будучи сеидом всего Булгарского юрта. Многие считали его даже провидцем, аулия (святым) и духовным отцом народа, хотя «святой сеид» как-то этим самым темным народом был бит, а знаменитую поэму его "Сказание о Юсуфе" чирмыши, науськанные сыщиками Чельбира, разодрали в клочья...

Даже провидцы и аулия порой не знают того, что знают цари.

Но вернемся к нашей теме, к той странной и загадочной фразе, которую я услышал от Кул Гали на заре моей юности, и о чем я даже сейчас, будучи глубоким старцем, не могу забыть. Да, он сказал: "на самом деле настоящие Татары – не они, а мы – Булгары".

Вы тоже в шоке?

Сейчас, сейчас, наберитесь терпения, я пороюсь в своем старом "уйгурском сундуке" и достану оттуда кой-какие рукописи, одного конспекта разговора с Кул Гали мало. Признаюсь, был грех, да простит мне его Всевышний, во время дружеской попойки с писцами-уйгурами в тайной канцелярии Верховного хана Угедя я незаметно отлучился и снял копии с некоторых важных документов. В них есть много чего интересного. Например, сведения о том, что Джучи был не первым сыном Чингиз-хана, а только вторым! Первым же был... Бий, в другой рукописи он назван Тамурасом. Или вот еще. Ведя переговоры с чинскими (китайскими) послами,

официальный представитель Могул Улуса от лица "Владыки мира" Чингиз-хана и, видимо, вопреки его указаниям, говорил не "Мы, Могулы", а "Мы, Татары".

Но речь сейчас не о том. Нужно найти подтверждение неожиданного заявления Кул Гали о том, что Булгары произошли от Татар... Да где же это шажаре, куда оно запропастилось? Может, кто выкрал?... Нет, нет, нашлись, вот они, умыканные из уйгурского схрона документы.

Так, сначала о том, что известно из булгарских, можно сказать, общетюркских источников. Многое из этого мы проходили в Доме наук Дарь аль-улюм, кое-что мне поведал Кул Гали, и мне сейчас придется в чем-то повториться. Но ничего страшного: повторение – мать ученья.

Итак, после спасения от Потопа Пророк Нух (мир ему) среди прочих родил и сына Яфиса. У него было много сыновей, среди которых Тюрк, Саклаб, Рус и другие. Но мы все – дети Тюрка. Об этом говорил и Кул Гали, но у него имена звучали несколько иначе.

Через несколько поколений после Тюрка появляется Алынча. Вот у этого хана и рождаются два брата Татар и Могул, которые тоже потом становятся ханами и каждый правит своим улусом. Получается, что Могул (правильно, Мунг или Монг), так же, как и Татар – это просто имена ханов. У Тюрков был обычай называть народ именем вождя племени.

Хан Татар – татары, хан Кипчак – кипчаки, хан Огуз – огузы, хан Рус – русы...

Точно так же, хан Монг (будем называть его так, как сейчас принято «Могулом») – могулы.

А Мунг (Монг) и по-тюркски, и по-могульски, означает «печальный». У младшего сына Алынчи-хана был именно такой характер – грустный, поэтому его и прозвали «Монг». Кстати, у Булгар и сейчас, когда слушают грустную, печальную мелодию, говорят, что в этой музыке есть «МОНГ».

Запомним, что Могул и Татар – родные братья из потомства Тюрка. Братья жили довольно дружно, каждый правил своим улусом, объединяя иногда свои военные силы, чтобы дать отпор общему врагу. Против Могуло-Татар никакой враг не мог устоять. Как утверждается в старых рукописях, на протяжении нескольких тысяч лет никто кроме них в Кипчакской (Татарской) степи не правил, но сами они породили много племен. И не все из них хотели подчиняться. К примеру, *уйгур, канглы, кипчак, карлук, калач, агачери* были очень своенравны. *Джелаир, сунит, меркит, курлавут, тамгалык, тогут, ойрат, бургут, кады тулус, кумат, болгарин, урат, телегут, урайгат, курькан, сагае* – тоже из этого корня, но эти были поспокойнее. А *кирает, найман, унгут, тангут, йескерин, кыркыз* преданно служили потомкам Могул-хана. Так же, как *алангуз, ортанкут, икерас, улкунот, курилас, конайут, ортавут, конкунат, ушумен, сүлдус, илдузкин, байавут, кинегез*... Прервемся, а то этим родам нет числа.

Что касается рода Татар-хана, то в шажара о нем отзываются очень уважительно. Татары – это наидревнейший и наиславнейший род из потомства Тюрка, он был весьма многочисленным, в него входило более 70 тысяч семей и подчинялся он только своему хану.

К большой трагедии, мирная идиллия продолжалась недолго, через несколько поколений (5 колен) между потомками Могула и Татара развязалась братоубийственная война. И ее развязали Татары, точнее, безрассудный хан Байду. И эта вражда продолжается, насколько я могу судить, и по сей день. Сначала верх брали потомки старшего брата, потом – младшего.

Отец Темучина (так звали Чингиз-хана с рождения) Есугей одержал крупную победу над Татарами, предводителем которых был хан по имени... Темучин. В знак этой победы Есугей назвал своего первенца именем поверженного врага.

Чингиз (а это имя он уже получил, став Верховным ханом) хорошо знал свою родословную и помнил, что он потомок «печального хана» Могула. И потому назвал свою империю Могул Улус, то есть Империя потомков хана Монга. Однако название не прижилось. Иностранцы, как на Западе, так и на Востоке, не зная хонского языка и истории Тюрков, тупо стали переводить «Могул Улус», как "Монгольское государство". Однако вопреки желанию основателя империи, слово «Татары» тоже стало присутствовать в его названии. Например, в

таком виде, как сейчас пишут западные авторы, «Монгалия, именуемая нами Татарией». Но потом стали называть просто Татарией.

И вот тут мы подходим к самому интересному, к объяснению той самой загадки Кул Гали, когда и как Булгары произошли от Татар. Хотя заметим, что перед смертью, готовясь ко встрече со Всевышним, сеид отошел от суетных земных дел, и этот вопрос, похоже, его уже не волновал. В тот памятный день набожный имам произнес при мне, и не один раз, вот такие слова: «Ни родословной, ни происхождения своего не помню, лишь имя Аллаха твержу я всегда».

Мало кто (а может, уже и никто) из жителей Булгарского юрта знает, что город Булгар на самом деле основали потомки Татар-хана – извечные враги Могулов. Да, да, это находит подтверждение, как в старых могуло-татарских, так и в старых булгарских книгах, как раз об этом говорил мне и сам Кул Гали. Правда, это случилось очень давно и тогда были совсем другие Татары. Не те, которые сейчас живут в Булгаре и которые, перемешавшись с другими булгарскими народами, тоже стали величать себя Булгарами, имея в виду новое место своего проживания. (Между прочим, Булгарами сегодня называют себя не только *кипчаки, утиги, черемьши, суасы, ары, угры, башикирды*, но даже несколько поколений назад обосновавшиеся на берегах Итиля бухарцы и хорезмийцы. И лишь гордые арабы, как носители истинной веры, сохраняют свое собственное имя).

Если углубиться в наше седое прошлое поглубже, удивительные открываются вещи! У Сюенчи-хана (девятый правитель из рода Татар) был сын по имени Кишилу. Согласно рукописям, именно он основал город Булгар в устье реки Итиль. И произошло это, как сообщают древние летописи, в 4386 году после низвержения Адама на Землю. Вот почему Кул Гали говорил, что Булгары имеют больше прав именовать себя Татарами, чем Могулы, ведущие свою родословную от ветки «печального» Монг-хана и не имеющие прямого отношения к основателям нашей Державы. Но вот интересный вопрос. А когда Всевышний наказал Адама за непослушание и спустил с небесных райских куш на грешную Землю? Когда, в какое тысячелетие до прихода Пророка Мохаммада (мир ему) это случилось? Исламские ученые не дают определенного ответа. А иудеи будто бы знают, ведь у них календарь ведется от самого Адама. Пользуясь им, не трудно вычислить, что наш славный Булгар, да пошлет ему Всевышний вечное процветание, был основан в 625 году по милади. Но это все-таки приблизительная дата, – если считать по коленам от Адама до Яфиса, Тюрка и Татара, может получиться и другое время, хотя и близкое к вышеозначенному.

Теперь давайте посмотрим, что нам известно о Кишуле-хане – отце-основателе Булгара? Да почти ничего! Известно только, что он был правнуком Байду хана, того самого безумца, который развязал братоубийственную войну между потомками Татара и Могула. Говорят, это был очень сильный и могущественный хан, и стер с лица земли всех Могул. Но этой легенде нельзя доверять, точно так же, как и нельзя верить легенде о том, что Чингис-хан якобы уничтожил всех Татар. Мы уже говорили, что две из пяти (всего их было около 500) официальных жен повелителя Могул Улуса – сестры Милу и Чинган – были из рода Татар. Повторим, что в войске Великого завоевателя был много настоящих Татар, именно Татар по крови, а не получивших это имя впоследствии. Более того, Татарами были также видные полководцы и беки Чингиза, они занимали высокие посты в армии или управляли целыми улусами. Некоторых из них я видел в ставке Верховного хана Утедея.

Помимо Чингиз-хана в роду Могул были такие известные правители, как Кара-хан и его сын Огуз-хан. Во времена Огуз хана из племени Могула упоминается еще некий Башкор, от которого происходит народ Башкорт, "ленивый, живущий по наитию природы", как написано в рукописях.

А Темучин-Чингиз родился в 559 году по хиджре (1163 по милади) в год свиньи в Могульском юрте, в кочевом селении Бикун Ялдук. Уже во время его рождения было предска-

зано, что он "будет великим правителем, прольет много крови". Как далеко «Владыка мира» Чингиз-хан и основатель Булгара Кишилу-хан отстояли от своих предков – Могула и Татара?

Будем считать.

Тимучин (Чингиз-хан) к своему предку Могулу восходил через 39 поколений. А Могул-хан в свою очередь (так же, как Татар-хан) через 5 (Кул Гали говорил, что через 7) колен восходил к Тюрк-хану, отцом которого был Яфис, сын Нуха.

То есть, от Чингиза до Яфиса примерно 45, до Нуха – 46 поколений.

А Кишилу-хан, основавший Булгар, – 10-й потомок Татар-хана, старшего брата Могул-хана.

И что у нас получается? А вот что. От Кишилу-хана и основания Булгара до Чингиз-хана прошло более 500 лет! С тех пор много воды утекло. Могулы и Татары так и остались вольными степняками, а их родовая ветка в лице Кишилу-хана создала одну из самых передовых цивилизаций в мире.

Все это время жизнь Булгар шла отдельно от Могул и Татар, если не считать кратковременных пересечений. Но через несколько столетий давние и забытые родственники неожиданно нагрянули в "гости" в Булгарский юрт. Причем, навсегда. Причем, претендуя, на роль хозяев. Степные родственники за это время сильно изменились, а может быть, сильно изменились и мы сами. Речь их гортанную, отрывистую, с трудом воспринимает наше ухо, внешний облик их вызывает у нас неприятие. В вере они остались прежней, веруют в Тенгри и различных духов, Аллах Всемогущий не излил еще на них свой ясный свет. Однако не будем роптать и гневить судьбу, подчинимся воле Всевышнего, ибо ничего в этом мире не происходит помимо Его предписаний. Еще Махмуд Кашгари – знаменитый знаток туранских языков – приводил хадис, в котором Аллах предупреждал нашего Пророка о нашествие неких «Небесных всадников»: «У меня на Востоке есть войско; когда я разгневаюсь на какой-нибудь народ, я посылаю это войско на него». Татаро-Могулы и есть те самые "Небесные всадники".

Будем тверды в вере, покаемся в грехах наших тяжких, и все у нас будет хорошо.

К тому же так устроено наше древнее Тюркское сообщество: вокруг городских центров культуры и ремесла всегда разбросаны воинственные кочевья. И эти два мира дополняют друга друга, иногда люто враждуя, иногда мирно объединяясь в единое целое. Так издревле жили и живут Хорезм, Бухара, Самарканд и другие крупные центры Турана. Так живет и наш Булгар.

К счастью, пришедших Татаро-Могул осталось в Булгарском юрте немного (повоевали и отправились обратно в свои степи). А тем, кто остался, не удалось навязать ни своих порядков, ни своего имени. Напротив, им пришлось перенять образ жизни, обычаи, праздники, а также язык и веру более культурных хозяев, которых они как будто бы завоевали и подчинили себе. Кстати, в языках эти воинственных племен, даже очень близких к булгарскому тюрки, нет понятий, обозначающих атрибуты оседлой жизни. Скажем, "ипи" – печеный хлеб, или "сабан" – плуг. А откуда им у них взяться, если кочевники не пахут землю и не пекут хлеб. И веселый праздник Сабантуй (Праздник плуга) проводят только в Булгаре, в кочевьях же собирают Жиены.

Все это так, все это сушая правда.

Однако я помолился и с благословения Всевышнего взял на свою душу тяжкий груз, прибавив к своему имени слово "Татар" и стал прозываться Ханиф Татаром. В память о древнем и благородном племени, чье имя оболгано и истоптано в грязи. Какая-то неведомая сила всегда заставляет меня защищать униженных и оскорбленных. Если обижают Татар, я становлюсь на сторону Татар, если обижают Булгар, я становлюсь на сторону Булгар.

Но будем помнить, что Татары и Булгары имеют одного прародителя Тюрка.

Приложение

История полна мифами. Без вымыслов и мифов истории вообще не бывает. Иногда исторические мифы даже важнее самой исторической реальности. Важно не то, какие события случились на самом деле в далеком прошлом (об этом достоверно мы уже, наверное, никогда не сможем узнать), важно то, как эти события отложились в головах, в сознании большинства людей, и как мы их, эти события представляем сейчас.

Один из самых распространенных мифов: современные казанские татары – это потомки монгольских завоевателей, создавших империю Чингиз-хана и позже Золотую Орду. Если вы прочитали эту книгу, то вы уже поняли, что это не так. А если вы еще осилите это приложение и прочтете его до конца, то увидите, что еще в XIX веке не только историки, но и просто образованные люди знали, от кого на самом деле произошли казанские татары.

Простой инженер, автор трехтомника «Волга» писал в 1881 году:

Говорять, Чувашинъ и Мордвинъ гордятся породниться съ Русскимъ и даже называть себя Русскимъ; Татары не безъ гордости величаютъ себя Булгарлыкомъ.

Второй, не менее распространенный миф – угнетенное и приниженное положение татар (булгар) в Российской империи. Причем, он в ходу, как в русской, так и в татарской среде. В доказательство сего утверждения часто приводится тот факт, что некоторые места в Казани были запрещены для посещения, как тогда говорили, "инородцами", в том числе татарами. Например, у входа в городской парк у Черного озера в Казани висела вывеска "Входъ Татарамъ и собакамъ воспрещенъ". Но при этом забывают упомянуть, что татары сами многие места в городе считали не "чистыми" и остерегались туда заходить. Кстати, Черное озеро татары называли Черек кул – Гнилое болото.

Да, конечно, спору нет, было и завоевание Казани (в котором, правда, татарских войск насчитывалось поболее русских), и насильственная христианизация, и разрушение мечетей...

Но татары активно этому сопротивлялись, поднимая бунты и участвуя во всех восстаниях против имперской власти, которые поднимали лихие "разбойники" вроде Болотникова, Разина и Пугачева.

Екатерину II насмерть перепугало выступление Емельяна Пугачева, войско которого больше, чем наполовину состояло из татаро-башкирских полков и который вдруг объявил себя законным царем, Петром III. С большим трудом подавив восстание, императрица пошла на смягчение "татарской политики". Повсюду стали строиться мечети, ислам по сути стал второй официальной религией, хотя, понятное дело, Духовное управление мусульман напрямую подчинялось русскому царю. Не зря татары ласково называли Екатерину II "эби-патша" – "бабушка-царица".

Но как бы там ни было, XIX век можно назвать не только "золотым веком" русской литературы, но и "золотым веком" татар. Самыми свободными людьми, как бы это не казалось странным, в Российской империи были именно татары. Они жили отдельно в своих махаллях, совершенно обособленной жизнью, соблюдая законы шариата и подчиняясь лишь собственным мурзам и муллам-ахунам. Татары никогда не были крепостными и не знали рабства, их, может быть, недолюбливали, но боялись и считали "имперской нацией".

Вот как описывает положение татар в России из 1770 года Г.Миллер:

Уфимские Татары, также как и башкирские, ныне под Россійскою державою. Однако вынуждены править ими с великою предосторожностію, и со всякою тихостію, для того что они весьма скоро возмущаются, имеют всегда великую склонность к другим татарам.... Когда Россія имеет войну

с Крымскими Татарами и с другими, надлежит прилежно смотреть за башкирцами и Уфимскими Татарами... Сии оба народа могут в случае нужды вооружить 50 000 человек.

А вот наблюдение за татарами, сделанное уже ближе к середине XIX века, другим автором, К.Фуксом:

«Этотъ, уже более двухъ вековъ покоренный, и ныне разсеянный между Русскими, народъ, такъ удивительно умель сохранить обычаи, свои нравы и народную гордость, точно какъ бы они жили отдельно».

Как бы ни выглядело это парадоксальным, татары в России образца XIX века были свободнее, просвещенней, зажиточней не только других инородцев (чувашей, вотяков, мордвин, черемис др.), но и представителей титульной нации, то есть русских.

Не верите? Читайте сами. В этом приложении приведены отрывки из двух произведений: "Казанские татары в статистическом и этнографическом отношении" (К. Фукс, 1844) и "О народах средней Волги" (В.Рагозин, 1881). Примечательно, что авторы сих трудов не являются профессиональными историками, один – врач, другой – инженер. Они просто жили в то время среди татар, хорошо знали их быт, традиции, культуру и поделились своими наблюдениями.

Извлечения из книги "Казанские татары в статистическом и этнографическом отношении".

(К. Фукс, Казан, 1844)

Казанские Татары, в течение трехъ сот лѣтъ от ихъ покорения, сохраняютъ еще такъ много собственнаго, національнаго, что заслуживаютъ особеннаго вниманія наблюдательнаго этнографа. Они всегда живутъ довольно отдельно отъ Русскихъ и отъ другихъ ихъ окружающихъ племенъ, предъ которыми они стараются, даже и нынѣ, поддержать то преимущество, какимъ отличались некогда ихъ предки. Они гордятся своимъ происхождением, своими моральными качествами, своей религіей, своимъ домашнимъ бытомъ, что все составляетъ ихъ отличительный характеръ.

...Изъ Казанскихъ Татаръ только 55 ч. имеютъ по 2 жены, только 6 ч. имеютъ по 3 и только 2 ч. по 4; следовательно только 63 ч. имеютъ 136 жен.

...Обыкновенно одинъ Татаринъ выпиваетъ тамъ (в трактире) до 5 или до 6 бутылокъ, а иные даже до 12 бут. пива. За этимъ питьемъ они поютъ всегда любимыя ихъ писни, и любятъ слушать музыку, особенно органы. Тутъ же они много курятъ табаку, чего дома никогда не дѣлаютъ. Послѣ пива пьютъ чай, и каждый Татаринъ выпиваетъ до 20 чашекъ; часто, после чаю, принимаются снова за пиво. Можно сказать, что здоровый Татаринъ втрое больше естъ и пьетъ противъ Русскаго; но за то на ихъ пирушкахъ гораздо рѣже случаются ссоры и драки, нежели у Русскихъ; а если уже случатся, то чрезвычайно трудно ихъ скоро успокоить. Высокомеріе въ ихъ характерѣ приметно даже и въ этомъ положеніи.

...У Татаръ есть довольно странный обычай, что ихъ мечети и школы не могутъ быть ни строены, ни поправляемы отъ общества, но отъ одного только какого-либо богатаго чело- века. Вотъ, думаю, причина, почему у нихъ некоторыя общественныя зданія, по наружности, такъ мало поддерживаются въ ихъ прочности. Обыкновенно простые мещанскіе дома располагаются слѣдующимъ образомъ: на правой рукѣ отъ двери въ горницу стоитъ большая печь: при ней находится небольшой котелъ, въ которомъ варится пища. На печи стоятъ два медные, полуженные кувшина, одинъ мужу, другой женѣ; потому что, по обряду своему, они оба не могутъ умываться изъ одного кувшина. За печью, въ углу, находится весьма большой медный

тазь для умыванья, надъ которымъ висять два полотенца, одно для лица и рукъ, другое для обтиранья ногъ.

...Обыкновенно пища у богатыхъ Казанскихъ Татаръ состоитъ въ слѣдующемъ. Утромъ рано пьютъ они чай и при этомъ ѣдятъ маленькіе сдобные пирожки съ говядиной, называемые, перемяджъ. Въ полдень къ обѣду подаютъ: 1) пельмени съ говядиной и кислымъ молокомъ (казан-бикмясы); или пловъ, изъ суховареннаго сарачинскаго пшена съ изюмомъ; 2) круглой пирогъ, называемый балышъ, съ мясомъ и сарачинскимъ пшеномъ; при чемъ подаютъ соленые огурцы; 3) жаренный гусь или утка съ картофелемъ; 4) вареная говядина съ хрьномъ или съ сырою кислую капустою; 5) урюкъ, сначала обданный варомъ, и прохлажденный (рыкъ); 6) чай, съ маленькими сдобными пирожками, велинчиною съ льсной орѣхъ, называемый Баурсакъ. Въ 6 часовъ вечера снова пьютъ чай со сливками и съ сдобными пирожками, какъ и утромъ. Ужинъ состоитъ изъ пельменей и лапши.

Пища мищанъ и небогатыхъ Татаръ заключается въ слѣдующемъ. Утромъ они пьютъ чай съ калачами; за обѣдомъ ѣдятъ лапшу съ говядиной или пельмени. Пища Татарскихъ крестьянъ: утромъ, ржаная мука, вареная въ воде съ солью (баламыкъ или талканъ); за обѣдомъ салма, состоящая изъ крошенаго тѣста съ бараньимъ жиромъ; а лѣтомъ кислое молоко или каймакъ изъ гречневой муки въ скоромномъ маслѣ; вечеромъ, опять болтушка изъ ржаной муки.

...Каждую Субботу Татары подстригаютъ свои бороды, и бръютъ себѣ голову чрезъ две недѣли. Въ Пятницу утромъ ходятъ в свою баню, а въ Субботу многие въ Русскую торговую баню. Женщины ихъ, по прошествии каждыхъ 40 дней, должны маленькими щипцами выдергивать изъ дѣтородныхъ частей и подъ пазухой волоса, и наклеиваютъ ихъ на кусокъ серы. Не смотря, что эта операция довольно чувствительна и даже сопряжена съ болью, они не желаютъ при этомъ употреблять бритву, чтобъ кожа на этихъ нежныхъ мѣстахъ не сдѣлалась жесткою. Татары думаютъ, что, при этихъ природныхъ украшенияхъ, нельзя молиться Богу.

...Татары горды, честолюбивы, гостеприимны, сребролюбивы, чистоплотны, по ихъ состоянію довольно просвѣщенны, почти несуетовны, рождены для торговли, хвастливы, между собою дружелюбны, искательны, вкрадчиваго свойства, во всемъ умеренны и довольно трудолюбивы.

... Этотъ, уже более двухъ вековъ покоренный, и ныне разсеянный между Русскими, народъ, такъ удивительно умелъ сохранить обычаи, свои нравы и народную гордость, точно какъ бы они жили отдельно.

...Самая лучшая черта есть гостеприимство; еже ли позоветъ знакомый Татаринъ въ деревню къ себѣ въ гости, то можно знать напередъ, что сделаешься на другой день больнымъ... Главное угощение Татаръ, чай, котораго надобно выпить не менее четырехъ чашекъ (у небогатыхъ Татаръ съ медомъ). Потомъ ставятъ на столъ каймакъ, (самыя густыя, вареныя сливки) малиновую пастилу и жареныя тоненькая лепешки. Отъ всего этого надобно непременно отвѣдать; но этимъ не кончится. Два или три Татарина, вамъ даже незнакомые, дожидаются, чтобы позвать васъ къ себѣ. Отговориться невозможно. Отказомъ чрезвычайно ихъ обидишь; равнымъ образомъ, ежели въ гостяхъ не выпьешь три чашка чаю, и не поешь ихъ десерта.

...Татары живутъ очень опрятно. Въ ихъ избахъ чисто: они имеютъ страсть несколько разъ въ годъ бѣлить печь, что делаютъ даже и въ развалившихся хижинахъ. Женщины свое хозяйство держать въ большомъ порядкѣ и чистотѣ; хлебы печь большая мастерицы; нингде нѣтъ такихъ вкусныхъ и густыхъ сливокъ, какъ у Татарокъ, особенно ихъ каймакъ, вареныя сливки, густые, какъ пенка. Я видѣлъ, какъ оне опрятно доятъ коровъ: надеваютъ большой фартукъ, моютъ теплою водою у коровы вымя и молоко покрываютъ чистымъ полотенцемъ.

...Въ огородахъ у трудолюбивыхъ Татаръ нансажено всего въ изобилии: картофель, лукъ, свекла, морковь и капуста; все эти овощи они запасаютъ на зиму.

...По моему мнѣнію, деревенская Татарки гораздо счастливѣе городскихъ. Оне пользуются свободою и проводятъ время, подобно нашимъ Русскимъ поселянкамъ; исправляютъ все

домашняя и полевая работы; летомъ безпрестанно въ лесу, въ поле; зимою за пряжей , весною за тканьемъ; нетъ свободной минуты для скуки. Ходятъ безъ покрывала, белятъ лице и намазываютъ его красками только по Пятницамъ. И отъ того то, деревенские Татарки красивее городскихъ. Но богатые и в деревняхъ страдаютъ: оне держатъ себя по Казански и, въ нарядныхъ платьяхъ, ничего не делая, сидятъ дома...

У Казанскихъ Татаръ есть четыре праздника: два религиозные: Рамазанъ и Курбанъ; и два народные : Сабанъ и Джинъ.

...Въ прежнія времена Татары отправляли этотъ праздникъ на Арскомъ поле, и давали подъ чистымъ небомъ открытый столъ, при чемъ бедные ели безденежно. Они называли такое угощение Туи; но это обыкновение исчезло, какъ скоро возрасла сила и могущество Росиянъ.

На праздникъ Сабанъ приходятъ смотреть и старцы. Если соберется ихъ много и наступитъ часъ захождения солнца, то отправляютъ они тутъ вечернюю молитву. На чистомъ поле станновятся въ прямую линию, и въ молчании отправляютъ свою молитву со всеми поклонами, соблюдая величайшее благоговение; это составляетъ весьма странную противоположность съ народомъ, предающимся веселию.

...После праздника Сабана, отправляемаго съ наступлениемъ весны, какъ въ са-момъ городе Казани, такъ и въ соседственныхъ Татарскихъ деревняхъ, следуетъ другой, называемый Джинъ (Джиен). Этотъ послѣдний праздникъ въ самомъ городе более не отправляется, но темъ охотнее торжествуютъ его въ продолжении семи недель, каждую Пятницу, поселяне многихъ деревень Казанской Губернии...

Какъ Сабанъ есть праздникъ для мужчинъ, такъ Джинъ посвященъ Татарскимъ женщинамъ. По преданіямъ, начало его приписывается одному богатому Татарину, имевшему много дочерей, кои не могли найти удобнаго случая выдти замужъ. Отецъ выдумалъ хороший способъ сделать дочерей своихъ известными: онъ пригласилъ въ Пятницу всехъ уважения достойныхъ жителей своей деревни на пиръ, данный на поле, где , угощая наилучшимъ образомъ , показывалъ своихъ дочерей. Симъ образомъ онъ нашли себе жениховъ и въ короткое время все вышли замужъ.

...(На джиен) собралось более 6,000 человекъ, пришедшихъ въ этотъ день изъ шестнадцати окруженныхъ деревень и изъ самой Казани. Тутъ наскоро построено было также несколько лавокъ съ пряниками, орехами и проч., но ни где не было въ продажи вина. Несколько Курайчевъ (Татарскихъ музыкантовъ), играя на самодельныхъ скрипкахъ, приглашали къ пляски, которая позволительна у нихъ однимъ мужчинамъ; женщины смотрели только, сидя въ своихъ кибиткахъ. Я удивлялся, слыша тутъ Немецкия и Французкия танцевальныя пьесы, и смотря на пляску козачка. Естественно, я старался открыть причину этой странности, и узналъ отъ самыхъ Татаръ , что ихъ собственная плясовая музыка уже более имъ не нравится, и что потому они предпочитаютъ ей козачка и проч. По местамъ слышны были простонародныя Татарскія песни.

...Всякому заезжему, безъ сомнения, странно покажется найти въ Казанскихъ Татарахъ, говоря вообще, народъ более образованный, нежели некоторые , даже Европейскіе. Татаринъ, неумеющий читать и писать, презирается своими земляками, и, какъ гражданинъ , не пользуется уважениемъ другихъ. По сему-то всякой отецъ старается, какъ можно ранее записать дитей своихъ въ училище, гдѣ бы они выучились по крайней мере читать, писать и узнали бы нанчала своей религии. Для споспешествованія сему при каждой мечети полагается училище, состоящее подъ особеннымъ надзоромъ Ахуна.

...Женский полъ у Казанскихъ Татаръ получаетъ равнымъ образомъ известную степень образования , и между Татарками мало найдется такихъ, кои бы не умели надлежащимъ образомъ читать и писать. Оне учатся у жены Муллы здешней новой мечети: женщина эта имеетъ большія способности для обучения ихъ симъ предметамъ. Я самъ видѣлъ прекрасно написанныя ея воспитанницами письма и некоторыя Татарскія песенки. Сверхъ того почти все

Татарки учатся у матерей своих, или родственницъ шитью; оне особенно занимаются вышиваниемъ золотомъ Татарскихъ сапожковъ и тебетеекъ; здесь оне обнаруживаютъ большое искусство и изобретательность въ составлении узоровъ.

...Татары, разумеется, изъ простонародья, также большие охотники до кулачнаго боя, какъ и Русские мещане. Весною и осенью, въ хорошую погоду, подъ вечеръ, собираются на берегу озера Кабана кулачные бойцы. Татары съ крикомъ толпою нападаютъ на Русскихъ, и тутъ атаки ихъ редко проходятъ безъ окровавленныхъ лицъ. Я заметилъ, что въ этомъ боксировании Татары имеютъ преимущество передъ Русскими бойцами; но ныне это почти оставлено.

...Татары ныне живутъ въ большомъ согласии съ Русскими, и уже не слышно отъ Русскихъ нѣкоторыхъ жесткихъ, на счетъ Татаръ, словъ, которыя часто употреблялись, летъ сорокъ тому назадъ. Однакожъ иногда кучера Русские по улицамъ бранятъ Татарина, называя собакой, ежели онъ не скоро своротитъ съ дороги, чтобъ дать быстро проехать. Но Татаринъ, въ такомъ случаѣ, тихо бормочетъ подъ носъ: донгусъ, а про себя думаетъ: ты алкафером.

1844 г.

Извлечения из книги В.И. Рагозина "Волга"

(т.3. "О народах средней Волги", Санкт-Петербург, 1881 г.)

С Татарами читатель, конечно, гораздо более знаком, нежели с другими инородцами, и с нашей стороны чуть ли не лишне описывать наружность Татар, их религию, пищу, занятия и пр. Но во 1-х не все же читатели одинаково хорошо знают Татар, особенно живущие не в Крыму и не близко к Волге; во 2-х можно сомневаться даже в том, чтобы каждый читатель – хотя бы приволжский житель – знал, что за народ Татары кроме разве того, что это – потомки (якобы) Монголов, приведенных в Россию Батыем в 1236 г., что впоследствии они приняли магометанскую веру, согласно предписаниям которой могут иметь по несколько жен, едят конину, не едят свинины, совершают несколько раз в день омовения, ходят в мечети, носят ермолки и чалмы; наконец, говоря вообще, занимаются торговлею, а в частности ходят по городам, скупая и перепродавая разное старье, «шурум-бурум».

Такия сведения не достаточны для того, чтобы можно было с ясностью воспроизвести перед собою тип Татарина...

Поэтому мы находим не лишним сообщить о Татарах несколько более того, что было сказано сейчас, и прежде всего о их наружности, на которую, в виду дальнейшего изложения, не мешает обратить особенное внимание.

Казанские Татары сложены очень хорошо и собою красивы. По телесному развитию и умственным способностям их относят к «благородным породам». Рост их, говоря вообще, средний; но часто попадаются и высокорослые, женщины однако заметно ниже мужчин. Затем, Татары широкоплечи, с широкой грудью и толстой, короткой шеей, обнаруживающими силу и здоровье; далее, они имеют продолговатый овал лица, пропорциональный прямой нос; умные, выразительные черные глаза с правильным разрезом, как у прочих народов Европы славянского или германского племени; скулы почти не выдаются; губы не тонки, но и не очень толсты; борода по большей части не густая, клинообразная, а иногда окладистая, подстриженная. Татарки, хорошенькия собою, не редкость; пожалуй, оне даже были бы не менее красивы, чем русския женщины...

Другой недостаток татарских женщин – также обусловленный не организацией – замечательная неповоротливость, вызываемая частью мешковатой одеждою их, главное же – чрезвычайно замкнутым и сидячим образом жизни: в то время как мужья и братья почти не живут

дома, женщины почти не выходят из дома и проводят большую часть времени в сиденье за чаями и жирными завтраками. Правда, оне и работают, т.е. занимаются вышивкою красивых тюбетеек (ермолок), или украшают башмаки и ичеги (сапожки), ценность которых доходить иногда свыше 100 рублей; но все этого рода занятия сопряжены все-таки с сиденьем. Следует, впрочем, оговориться, что менее богатые татарки (особенно деревенския) живут в условиях более подвижной жизни, хотя все же далеко не в тех, в каких проводить жизнь русская женщина: последняя не редко и пашет и косит, не говоря о том, что непременно жнет; первая же только в самых бедных семьях принимает участие в жнитве и сгребании сена, предоставляя тяжелые работы мужчине. Но и мужчины неохотники до земледельческой работы.

Одежда Татар – восточная, отличающаяся своей длиной и шириной: чем шире одежда, тем лучше, почтеннее. Рубашка (кульмяка) – белая холщевая или из синей крашенины – спускается ниже колен и не подпоясывается; штаны также широкия, запущенныя за сапоги или завернутыя за онучи. Поверх рубашки Татары носят безрукавый камзол, или зиян, доходящий до колен, и сшитый обыкновенно из зеленой или желтой нанки, а у богатых из пестрой шелковой или полушелковой материи; затем, смотря по степени холода, идут – халат, подпоясанный гарусным или шелковым кушаком, и, наконец, шуба (тун). Казанские Татары-купцы носят обыкновенно поверх зияна нанковый или суконный кафтан, похожий покроем на русский купеческий; за пазухой всегда шелковый платок. Эта скромная одежда отличается у богатых только тем, что сукно тоньше и кафтан вообще опрятнее. Но за то они носят много ценных аксесуаров: кольца с алмазами, толстые золотые цепи, опоясываются ремненным поясом, во всю длину украшенным массивными серебряными, разнообразной формы бляхами, которые, как знаки зодиака, охватывают дородную талию какого нибудь богача.

Выбритая голова татарина покрыта ермолкою, иногда расшитою золотом и жемчугом; затем – шапкою, у богачей опушенною бобром. Муллы, мудеррисы (профессора) и хаджи, т.е. совершившие путешествие в Мекку, и вообще почетные, зажиточные Татары носят белую чалму (зеленые чалмы присвоены только одним потомкам Магомета); масса же Татар носить поверх тюбетейки белые поярковые шляпы, отличныя от русских крестьянских не только цветом, но и формою.

Что касается женщин, то оне, как женщины всех наций на свете, очень любят наряды. Рубашка татарки — длинная ситцевая с яркими обкладками, украшена нагрудником, унизанным серебряными монетами. Под рубашкою носят шальвары, принадлежность одежды, имеющая важное гигиеническое значение: по мнению медиков, татарки обязаны именно шальварам крайне редким появлением у них женских болезней. На рубашку татарки надевают зиян, а на голову накидывают полотняное покрывало; или, вместо зияна, носят просто халат из парчи, из шелковой материи, или из китайки с длинными, суженными к концам, рукавами. Халат накидывается прямо на голову и служить таким образом, вместо чадры (покрывала); другие (по беднее) обвивают головы полотенцами с узорчатыми концами, а у богатых есть шелковые колпаки в виде повязки с дорогой бахромой, позументами и драгоценными камнями, или, наконец, бархатные круглые шапочки с плоским верхом, отороченные соболем. Затем татарки наряжают себя разными украшениями из благородных металлов и самоцветных камней: оне носят ожерелья, серьги, браслеты, множество перстней; а кроме того, в косу вплетают монеты, а на левое плечо надевают более или менее богато украшенную камнями и монетами перевязь, в конце которой вложены изречения Алкорана....

Пища Татар лучше, нежели пища Русских: у последних мясо является только в праздники (само собою — мы разумеем массу, а кроме того, они обременены множеством постов, которых у Татар только два, да и то они состоять не в питательной (мясной или молочной) пищи, а только в отказе и питья вообще. Обыкновеннейшее кушанье Татар — салма, в которой варится баранина или козлятина, а реже конина; затем кислое молоко, пироги с зелеными огурцами, лепешки на скоромном масле, сухие плоды. Свиное мясо, как

хорошо известно всемъ Русскимъ, запрещено Кораномъ; лошадиное же не только разрешается, но считается у простыхъ Татаръ за самое лучшее мясо. Однако Татары, въ Казани, почти совсемъ не едятъ конины. Заметимъ, что въ мясе существуетъ правило, по которому следуетъ, чтобы животное, предназначенное въ пищу, было заколото Татариномъ и съ словомъ: «бис-миляхъ», т. е. во имя Богъ. Вот почему Татары не могутъ есть мясо съ Русскими. Говорятъ, нередко случается, что, приходя въ трактиръ, Татаринъ приноситъ съ собою курицу, кусокъ говядины и отдаетъ ее зажарить или тутъ же самъ закалываетъ птицу съ «бис-миляхъ».

Наконецъ, Татары любятъ мореный мед, пиво, оне страстные охотники до чаю, который они потребляютъ чуть ли не въ большемъ количествѣ, чѣмъ русскіе купцы.

Трактирная жизнь Татарину очень по-сердцу; въ этомъ, какъ замечаетъ Лаптевъ, можетъ быть, проявляется любовь восточнаго жителя къ кофейнямъ. Въ трактире Татаринъ обыкновенно выпиваетъ несколько рюмокъ бальзаму и множество бутылокъ пива. Выпить въ дня 10—15 бутылокъ, для Татарина не составляетъ еще подвига; за пивомъ распеваетъ онъ свои песни или слушаетъ органъ, курить табакъ (а у себя въ доме курить не позволено). Пьяные Татары не такъ скоро ссорятся, какъ Русскіе; за то ужъ если драка случится, то унимается она не скоро. Богатые Татары часто заходятъ выпить шоколадъ съ огромнымъ количествомъ ванили. Вино составляетъ запрещенный плодъ; конечно, благотворно отражается на нравственности народа; но примеръ Русскихъ действуетъ соблазнительно, и отходъ отъ закона среди Татаръ бываютъ не особенно редки, темъ болѣе, что въ глазахъ желающихъ обойти запрещенное, въ силу котораго они пьютъ «не вино, а балазаяб».

...Татары резко отличаются отъ прочихъ инородцевъ и отъ Русскихъ. Какъ земледелецъ, Татаринъ стоитъ не высоко; онъ далеко уступаетъ въ этомъ Чувашамъ и Русскимъ. Во многихъ деревняхъ, особенно расположенныхъ къ востоку отъ Казани, Татары все решительно чужды земледелию, они сдаютъ свои земли Русскимъ, Чувашамъ и Вотьякамъ въ годовое или за деньги, или исполу; т. е. русский или другой крестьянинъ снимаетъ у нихъ земли, пашетъ, боронитъ ихъ, засеиваетъ своимъ хлебомъ, ухаживаетъ за ними, проводя въ потребныхъ местахъ канавки между загонами, жнетъ, молотитъ; а землевладелецъ является только къ разделу.

...Татаринъ занимается по возможности легкой работой — торговлею, извозомъ, пчеловодствомъ, содержаниемъ постоянныхъ дворовъ или нанимается въ приказчики, въ половые, въ караульщики и т. п. Торговля его стихія. Если у него заведется хоть небольшой капиталъ, онъ сейчасъ пускается въ торговлю: скупаетъ въ однихъ русскихъ деревняхъ яблоки и вишни, выгодно меняетъ въ другихъ на яйца, отыскиваетъ мерлушки, перекупаетъ лошадей; и все это продаетъ съ большими выгодами для себя. Впрочемъ, не мешаетъ оговориться, что Татары не чуждаются и тяжелыхъ работъ: на очень многихъ пристаняхъ можно встретить ихъ въ качествѣ гребцовъ-перевозчиковъ или въ качествѣ грузчиковъ и притомъ самыхъ лучшихъ, какъ по силе, такъ и по честному отношенію къ работѣ. По своей сметливости, расторопности и плутоватости многие изъ Татаръ обогащаются. Въ Казани есть очень богатые Татары, некоторые изъ нихъ пользуются почетнымъ гражданствомъ.

Наличие ежедневно свободнаго времени достаточно разнообразяетъ жизнь Татарина.

...Гакстаузенъ, то ли лично или со словъ Фукса и другихъ писателей отзываясь о Татаряхъ, какъ о народѣ чистоплотномъ; онъ же обращаетъ вниманіе на любовь Татаръ къ цветамъ, видя въ этомъ признакъ способности народа у Татаръ, говорить онъ, въ противоположность Русскимъ, даже на маленькихъ окнахъ самыхъ бедныхъ лачугъ ставить цветы въ горшкахъ. Бабсть тоже лестно отзываясь о склонности Татаръ къ чистотѣ, опрятности и комфорту. Вотъ его слова: «Татары живутъ очень опрятно; они имеютъ страсть несколько разъ въ годъ бѣлить печь; избы всегда вымыты; на широкихъ скамьяхъ постланы перины, а у бедныхъ — кошмы, и разбросаны подушки; по стенамъ развѣшаны платья, нанковые камзолы; халаты и множество разноцветныхъ полотенецъ; на столахъ постланы изделия, скатерти съ красными узорами». Или еще: «Въ комнатѣ очень чисто; самоваръ и чайный приборъ стоятъ въ шкафу, на широ-

комъ подмаре (в лавке) лежать сложенные перины и подушки и постланы подержанные ковры. Судя по образу жизни наших мужичковъ, подумаешь, что этотъ Татаринъ богатъ; – нетъ, это земледелецъ, немногимъ богаче своего соседа...»

...Относительно характера Татаръ, кажется, нетъ разногласий въ писателяхъ и, вероятно, изъ читателей сами хорошо знаютъ, что Татары обладаютъ мягкимъ, сговорчивымъ характеромъ, ласковымъ, и мы хотели бы только оттенить ту черту ихъ характера, въ силу которой они, не противореча названнымъ качествамъ, умеютъ держать себя съ достоинствомъ: несколько горделивая осанка, светлый взглядъ, свободная добродушная улыбка и свободная речь говорятъ какъ будто за полное сознание этого достоинства и независимости. Такая свобода духа, по нашему мнѣнію, имеетъ важное значение въ деле духовности народа. Два съ половиною века Татары были народомъ господствующимъ; триста летъ казанскіе Татары не знали надъ собой московской опеки и никогда не бывали рабами.

Можетъ однако казаться страннымъ, какимъ же все-таки образомъ племя дикихъ варваровъ Монголовъ преобразилось, и физически и нравственно, въ народъ, чуть ли своими качествами не превосходящий Русскихъ (а затемъ, кстати, какъ могло случиться, что этотъ народъ былъ покоренъ Русскими?) Въ самомъ деле, вспомнимъ характерныя черты Монголовъ: ростъ, короткая шея, несколько треугольная форма головы, скулы, далеко расставленные глаза, которые притомъ прорезаны наискось, съ приподнятыми внешними углами; наконецъ искривленные и худыя ноги, – и сопоставимъ этого Монгола съ хорошо сложеннымъ и красивымъ Татаринкомъ – разительная разница!

Ответ на поставленный вопросъ, разрешается следующимъ образомъ: собственно Монголовъ не бывало. Монголы, исходное ядро во главе котораго стоялъ знаменитый Чингисханъ, почти не покинули коренныхъ местъ своих, а распространялись, такъ сказать, передаточно, при посредстве покоренныхъ соседнихъ и затемъ далее жившихъ народовъ. Народы эти принадлежали къ Тюркскому племени. Что касается имени Татары, то подъ нимъ разумеется, правда, Монгольское племя, но и этотъ народъ въ движіе народовъ въ Европу принималъ участие не весь, а только небольшою частью: изъ Татаръ въ Россію пришелъ самъ Батый да его дружина; вся же масса польчищъ состояла изъ народовъ Тюркского племени. Кроме того, известно, что придя в Россію орды не остались въ ней, а удалились въ низовое Поволжье, и только часть ихъ оселась на местахъ прежняго Болгарскаго (Булгарскаго) царства, где, какъ мы видели, обиталъ народъ сильный, богатый и гражданственный. Невероятно допустить, чтобы народъ этотъ, т.е. Болгары (Булгары), были вполне истреблены Татарами; но весьма вероятно, что Татары, поработивъ Болгаръ, слили ихъ съ собою и сами слились съ ними въ одно целое, что было особенно не трудно, при томъ что однимъ изъ составныхъ элементовъ Болгарскаго народа было племя Тюркское.

А превосходство же над Татарами поработеннаго народа, вместе с осознанием превосходства культуры вообще, окончательно облегчило соединение двухъ родственныхъ элементовъ въ одно целое, где численное превосходство тоже принадлежало Болгарамъ. Образовался смешанный такимъ образомъ народъ, который даже не знали какъ называть: съ одной стороны жителей павшаго Болгарскаго царства продолжали называть Болгарами (Булгарами), а съ другой -Татарами. Татары же и сами были не прочь величать себя так. Вотъяки по своему также называли, и продолжаютъ называть ихъ Булгарами – "Бигеръ".

Послушаемъ, что говорить о томъ же предмете Сбоевъ: "Татары... Но Татаръ нетъ на свете, да и быть не можетъ! восклицаетъ онъ: Ни одинъ въ Мирѣ народъ, ни одно поколение не присваиваетъ себе имя Татары. Да и что это за слово -Татаринъ? Знаменитый нашъ графъ Н.М.Карамзинъ, отчаявшись въ возможности объяснить это слово приличнымъ образомъ, прибегаетъ то къ Якутамъ, у которыхъ, будто бы, существовалъ идолъ Татар, то къ Китайцамъ, называвшимъ, будто бы, все народы Та-та, то къ Карпини, производившему слово это отъ ребки Татаръ, которой, впрочемъ, нетъ ни на одной географической картѣ. Новые историки,

вообще очень смелые, производят это слово даже отъ Тартара, или ада, и говорятъ, что это были люди *quasi ex tartaro emissi*.

Дело въ томъ, что на обширномъ пространстве отъ Царьграда до Пекина и доселе живутъ племена которыя, несмотря на различия въ физическомъ своемъ устройстве, на весьма часто враждебныя другъ къ другу отношенія, говорятъ очень сходными языками. Эти-то племена, въ начале XIII века, подпали подъ власть побѣдоноснаго Монгола Чингисхана и его монгольской орды. Начальствуя ими, онъ самъ, лично, и чрезъ своихъ полководцевъ, совершилъ завоеванія.

При Калке грозною тучею разразился страшный громъ его непобедимаго войска надъ Русью, весьма хорошо знакомою со многими изъ племенъ тюркскаго, но доселе не знавшей даже имени орды, ставшей въ ихъ главе.

Лѣтописецъ XIII века говоритъ: «языцы не знаеми, ихъ же добрев ни кто же вѣсть, кто суть и отколь изыдоша, и котораго племени суть, и что вера ихъ, а зовутъ ихъ Татары, а глаголютъ Таурмени». Последнее названіе Таурмени (т.е. Туркмены) показываетъ, что въ ордахъ Чингисхана были многочисленныя племена тюркскаго происхожденія. Легко статьяся могло, что одно изъ нихъ называлось татарскимъ, по такой же случайности, по которой мы, Русскіе, все западныя народы называемъ немцами, т.е. немцами, неумеющими говорить по нашему. Каждое изъ этихъ тюркскихъ племенъ носило особое названіе по имени или вождей, или по заселенной имъ местности, или по какому-либо особому случаю. Къ числу племенъ, покоренныхъ Монголами, принадлежали и Булгары, народъ сильный, красивый и богатый. Болгарское государство, какъ уже известно, состояло изъ смеси племенъ тюркскихъ и славянскихъ, и царь ихъ титуловался владѣльцемъ Славянъ. Этотъ-то изъ смеси Славянъ (Болгаръ) и Тюрковъ народъ мы теперь называемъ Татарами, но самъ онъ и доселе порою величаетъ себя болгарлыкомъ, так какъ настоящее названіе ихъ должно быть Булгары, и въ нихъ, какъ и въ дунайскихъ болгаряхъ, ихъ соплеменникахъ, течетъ одна кровь...

И такъ, передъ нами любопытный фактъ. Народъ, называемый Татарами, совершенно или почти совершенно, не Татары. Историческая основа его хорошенько неизвестна; но можно принять за несомненное, что основа эта была обновлена кровью пришлыхъ народовъ и что теперешніе Татары представляютъ собою весьма сложный агрегатъ,— смѣшеніе крови тюркской, славянской, татарской, черемисской, чувашской и, вероятно, крови еще другихъ народовъ, смѣшеніе это имѣетъ благородныя породы.

... Пока дело ограничивается однимъ административнымъ воздействием на Татаръ, непростой кажется надежда ассимилировать этотъ народъ. Французы, Немцы, Шведы, Поляки, попадая въ среду Русскихъ, ассимилируются последними въ какихъ нибудь два-три поколенія, меняются даже вера, обычаи, образъ мыслей, отсюда и становится чисто русскимъ; а между темъ это представители цивилизованнѣйшихъ странъ. Ясно, что они попадаютъ въ тотъ слой Русскаго народа, который стоитъ не ниже ихъ, поэтому ассимиляція происходитъ неизбежно, естественно и незаметно; притесняющаго и озлобляющаго администрированія здѣсь нѣтъ. Но те же, например, немцы (приволжскіе колонисты), попавъ въ среду невѣжественную, не подають ни малѣйшихъ признаковъ къ ассимиляціи и при первыхъ попыткахъ къ притесненію обнаруживаютъ желаніе къ бѣгству...

Взглянемъ и на Татаръ: они окружены массою русскаго народа, который и беднее, и забитѣе, и невѣжественнѣе Татаръ: мыслима ли тутъ ассимиляція (развѣ обратная)? А тутъ еще является глупое, насмѣшливое отношеніе къ обрядамъ Магометовой веры, обидныя клички «свиное ухо» и т.п., и въ параллель съ этимъ административное навязываніе русскаго языка и такихъ русскихъ школъ, отъ которыхъ сплошь да рядомъ сторонится и простой народъ, и русское земство, и русское общество.

Говорятъ, Чувашинъ и Мордвинъ гордятся породниться съ Русскимъ и даже называть себя Русскимъ; Татары не безъ гордости величаютъ себя болгарлыкомъ (болгарствомъ). Почему? Потому, что въ первыхъ двухъ случаяхъ сознается культурное превосходство Рус-

скихъ, а во второмъ сознавалось и сознается превосходство Болгарь. Но чтобы Татаринъ созналъ превосходство русскаго мужика – объ этомъ какъ-то странно и говорить – до этого еще далеко или если и близко, то ровно по стольку, по сколько близко время самого Русскаго народа освободиться изъ-подъ стесняющихъ его свободное развитие обстоятельств. Татаринъ въ праве сказать Русскому, замечая его замашки, как говорят иногда врачу, «исцелися самъ».

1881 г.

При подготовке этих отрывков к публикации была, по возможности, сохранена транскрипция оригинала, в неясных смысловых местах допущена незначительная правка.